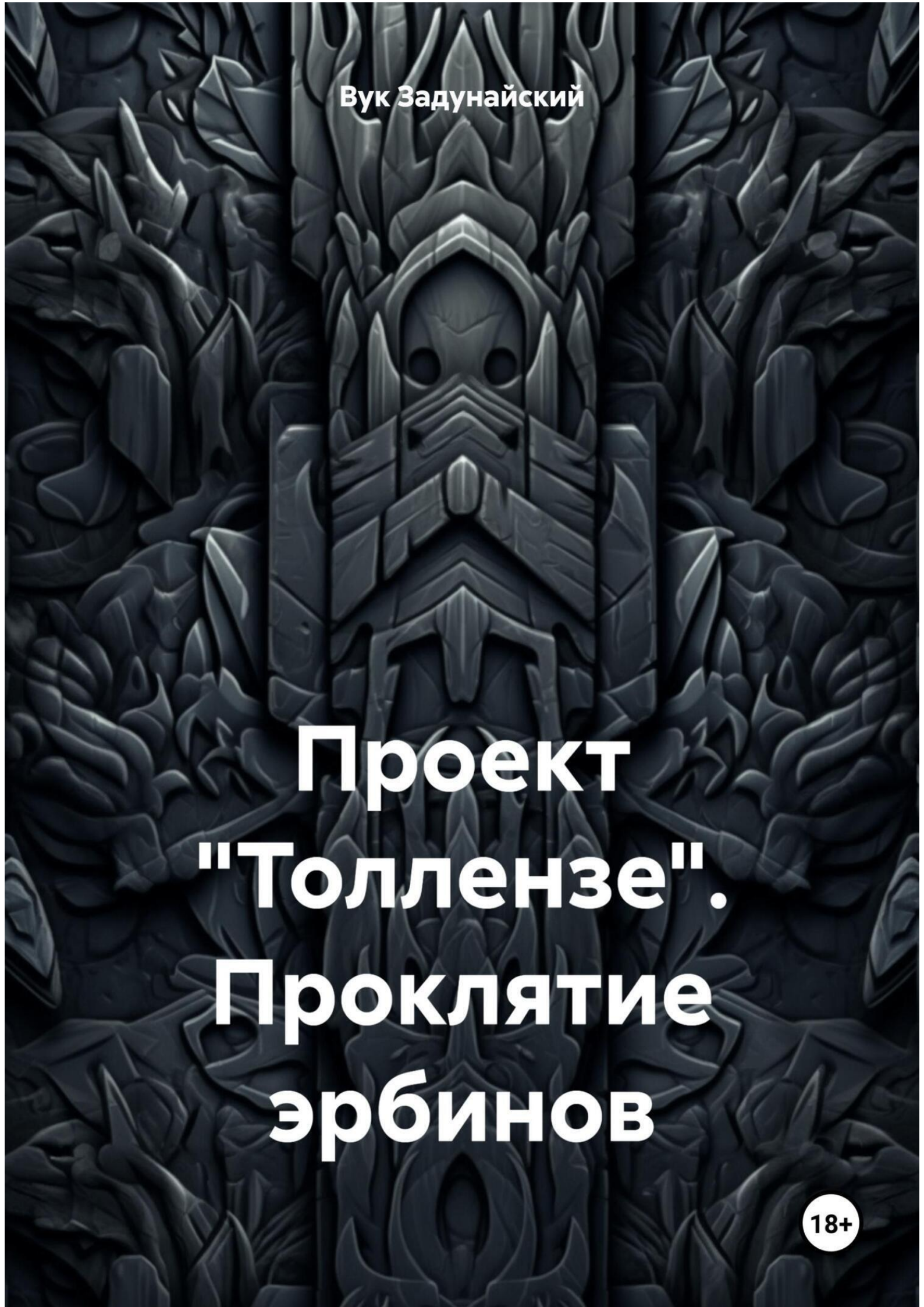

Вук Задунайский
Проект "Толлензе". Проклятие эрбинов
18+

Вук Задунайский

Проект «Толлензе». Проклятие эрбинов

«Автор»
2025

Задунайский В.

Проект «Толлензе». Проклятие эрбинов / В. Задунайский — «Автор», 2025

Самые удивительные детали повести основываются на реальных фактах: археологических находках XX века на месте неизвестной битвы, произошедшей возле реки Толлензе в Германии в XIII веке до нашей эры. Ученые называют ее нулевой мировой войной, так как в ней принимало участие большинство населения Европы того периода. Автор находит параллели со знаменитой битвой при Курукшетре, описанной в «Махабхарате», а современный русский ученый, заброшенный в прошлое через станцию Института экспериментальной истории на острове Рюген, выступает в роли Кришны, вдохновляющего предков славян на сражение с вечным врагом – великим змеем, рептилоидом. Использование эрбинов против ариев внешними силами из нашего времени делает происходящее прозрачной аллюзией на войну на Украине, где прокси-армия НАТО воюет с русской армией. Как и в реальности наших дней, исход битвы решается не только на поле боя, но и в научных и дипломатических кругах, что делает историю сложнее и интересней.

© Задунайский В., 2025
© Автор, 2025

Вук Задунайский
Проект "Толлензе". Проклятие эрбинов

ПРОЕКТ «ТОЛЛЕНЗЕ». ПРОКЛЯТИЕ ЭРБИНОВ

Что было, то и теперь есть, и что будет, то уже было, – и Бог воззовет прошедшее.

Книга Екклесиаста

На дугодневице – так называли здесь летний солнцеворот – в месяце червень по давней традиции, которыми тут всё управлялось, назначены были игрища воинов в честь полновластия Сварожича на небесах. В земли Бодрича, кнеза рарогов, к Радогосту, стекались воины со всех племен славных людей. Пришли древляне из лесов своих и глиняне – с мест болотистых у слияния Степеницы и Радогоща. Пришли поморяне с берега морского, что на самом севере, и лужичане с озерного края на юге. Пришли полабы с берегов Лабы, черезпеняне – с Пены и спреване – с реки Спревы. Пришли доленчане с Долгого озера, и даже лютичи пришли, хотя и серчали на рарогов и кнеза их Бодрича порядочно. Не так уж и давно оттеснил он их от Радогоста, став таким образом хозяином всех игрищ. Но пора дугодневицы священна, и не было места на лугах у гарда Сварожья ненависти и раздорам. Одни только укряне не явились на сборище с берегов реки Укры – а зачем да почему, кто ведает?

На большом лугу посреди озер, в виду Радогоста, поставили славные люди вежи свои. Посредине водрузили шест с щитом, на коем изображен был рарог, то есть сокол в полете, сшитый из кусочков бычьей кожи – знак самого кнеза. Воскурили волхвы Сварожичу трав лесных, принесли ему в жертву козленка полугодовалого – и начались игрища.

Воины в тот день превзошли себя. Они метали копья – здесь их называли сулицами – в глиняные чушки, стреляли из луков в нанизанные на шесты репы да кидали топоры в щиты дощатые. Потом начались схватки воинов один на один, тут уже в ход пошли затупленые мечи и молоты боевые. Завершал игрища кулачный бой, что называется, стенка на стенку, коего ждали люди более всех иных воинских забав.

Толпы стекались к Радогосту со всех окрестных мест, да и с дальних тоже шли в немалом количестве. Игрища проходили в канун дугодневицы каждый год, и стремились сюда лучшие воины со всех племен славных людей – не только себя показать, но и других посмотреть. А вместе с воинами тянулся сюда и прочий люд. В награду победители получали гривны шейные, бронзовые ножи да другие вещички ценности немалой.

Неподалеку выкопаны были ямы, в которых разводились костры, а когда дрова в них прогорали, на углях запекали грядину и дичину. В больших глиняных котлах дымилась ароматная каша – ячмень да полба, густо сдобренные вепревым салом. Прислоненные к жердинам, стояли рожны с насаженными на них рыбами, а женщины пекли на бронзовых жаровнях лепешки. От кнеза жалованы были воинам и другим достойным людям меды сыченые в кувшинах глиняных и корчаги с пивом ячменным. Дымили костры. Аромат запекаемого на углях мяса пропитал всю округу. С луга доносились крики воинов и подбадривающих их соплеменников, смех женщин, плач детей, гудение дудок и лай собак. Тут же все, от стара до мала, танцевали танец коло, вставши в круг. Одним словом, праздник, любимый людьми и угодный светлым богам!

К ночи веселье не затихало – ночь дугодневицы особая ночь. На лугу запылали большие костры, а разгоряченные медами девки плели себе венки и простоволосые, в мокрых рубахах, прыгали через их пламя. Парни от них не отставали. Повсюду слышались визг, смех и тихий шепот. Нашедшие себе пару уединялись в роще – это было настоящее торжество богини Живы,

когда позволялось многое, запретное в иные дни. Дети, зачатые на дугодневице, считались даром богов.

У вежи кнезевой установлены были столы – досчатые подставки на бревенчатых козлах, покрытые льняными рушниками. Настоящая роскошь. На них стояли в изобилии красивая посуда и яства самые наилучшие, какие только можно было себе представить в эту пору: источающая соблазнительные ароматы грядина и дичина, дымящиеся каши, среди которых особливо стоило отметить сочиво, заправленное сытом медовым, а также запеченная рыба, лепешки гороховые да чечевичные, грибы, репа пареная, жирный коровий сыр – мы назвали бы его творогом, орехи в меду и яйца куриные. Соль в небольшой глиняной чашечке стояла только на столе, за которым сидел сам кнез, ибо была дорога. Подле нее расположилось главное блюдо – большой круглый колач из пшеничной муки, золотистый снаружи и белый изнутри, пышный и вкусный, замешенный на пивной пене. Такие пекли только на солнечные дни – дугодневицу, краткодневицу и равнодневицу, ибо был колач символом солнца.

На устланных бычьими шкурами лавках сидели кнез с женами, взрослыми детьми и со всей породицей своей, с болярами и воинами, а также гости кнезевы. И пили они меды сыченые да пиво ячменное – слуги только успевали наполнять большие серебряные братины. Поднимали гости те братины, пускали по кругу да пили за здравие и благоприятствование со стороны богов всем их начинаниям. И кнез Бодрич рад был тому, светлым было лицо его, ибо в тот день воины племени рарогов лучше всех показали себя на игрищах воинских. Но, видать, боги измыслили иное…

Когда дудки уже почти умолкли, а костры – догорели, прибыл к кнезу гонец. Был он уставшим, хмурым, в грязной кожаной накидке. Такой же мрачной была и весть, что принес он. Хотя и была она ожидаема, но от того не стала менее горькой. Кнез кликнул первых людей своих к себе в вежу, где гонцу надлежало повторить сказанное.

Мечеслав, ковач кнеза, знал, что тот скажет, но отказать себе стать свидетелем этой воистину исторической сцены он не мог. Разве не за этим он тут находился? Поскольку ковач входил в ближний круг, он тихо, как тень, прошел в вежу и встал у входа – никто ему в том не препятствовал. Кнез был ему хорошо виден, да и гонец тоже.

– Молви весть, что принес ты ныне, – сказал кнез.

– Светлый кнезе, – ответствовал гонец, почтительно преклонив колено, – я, Велимир, посланец древан, прошу твоей помощи и защиты для моего племени. Эрбины напали на нас. Они пришли ночью, воспользовавшись тем, что воины на игрищах. Они захватили наши деревни и гарды, согнали жителей в дома и пожгли их. Всех, старых и малых, жён и детей. А кто пытался бежать, тех добивали из луков. Ясный кнезе, ты первый среди нас! Тебя сам Сварожич слышит. Не оставь нас на поругание Чернобогу! Когда эрбины истребят мой народ, они перейдут Лабу и нападут на глинян, а потом – и на твоих людей. Собирай воинов всех племен!

– Когда пришли они? – спросил кнез.

– Три дня и три ночи шел я сюда, почти без отдыха и сна, а они пришли за две ночи до того.

– Значит, пять дней тому?

Гонец почтительно склонил голову. Задумался кнез. Мечеслав не отрывал от него глаз. Кнез, моложавый и бодрый не по годам – за что и был прозван Бодричем, а тайное имя его ведали лишь самые близкие люди – вдруг стал казаться постаревшим, лишь только рука его сжала посох так, что затрещал тот да преломился.

– Я услышал твои слова, Велимир, посланец древан, – ответствовал кнез, лицо его при том будто окаменело. – Будь моим гостем, испей меда и преломи колач. Наутро я объявлю тебе свою волю.

* * *

Мечеслав, он же Андрей Сергеевич Ковальчук, ведущий научный сотрудник Института экспериментальной истории Евразийской академии наук, мог быть доволен.

Во-первых, он стал свидетелем воистину исторического события. Это только непосвященным могло показаться, что таких событий в жизни историка – пучок на пятачок. Но любой мало-мальски компетентный коллега подтвердил бы: по-настоящему увидеть и запечатлеть историческое событие – это огромная удача! И пропуск на следующий уровень научного познания, кстати.

Во-вторых, видеострим о событиях, которым он стал свидетелем, – а производил он их всё время, вживленные в его хрусталики автоматические миникамеры-импланты практически не выключалась – шли прямиком в Центр управления экспериментами и имели колоссальную научную ценность. Не говоря уже о ценности медийной.

Когда-то давно – как шутили в Институте, «в эпоху исторического материализма» – считалось, что в районе полутора тысяч лет до нашей эры в Северной Европе ничего интересного не происходило. Редкие разрозненные племена, находившиеся на ранних стадиях развития, еще более редкие поселения, примитивная материальная культура, единичные бедные захоронения… В общем, ничего, представляющего интерес для специалиста. И для неспециалиста тоже.

Всё изменилось в 1996-м, когда в немецкой земле Мекленбург-Передняя Померания, на берегу мало кому известной речушки Толлензе археолог-любитель Ганс-Дитрих Боргвардт со своим сыном совершили сенсационное открытие: ими была обнаружена плечелучевая кость человека с торчавшим в ней бронзовым наконечником стрелы, а также две деревянные дубины. Боргвардты отнесли находки на радиоуглеродный анализ, который показал, что возраст находок – около 3250 лет, то есть, они относились примерно к 1250-му году до нашей эры.

Пока суть да дело, количество находок росло, и тогда за дело взялись профессионалы. Через двенадцать лет, в 2008 году, немецкие археологи Янтцен и Тербергер начали в долине Толлензе нормальные раскопки. Их результаты для научного мира имели эффект разорвавшейся бомбы. На дне реки было найдено более двенадцати тысяч костей, причем в основном молодых крепких мужчин, большое количество оружия: мечей, наконечников стрел и копий, топоров, а также фрагментов амуниции, украшений и других ценных предметов из бронзы, серебра и даже золота. Судя по всему, причиной появления этого «клада» стала доселе неизвестная доисторическая битва, в которой участвовали, по приблизительным подсчетам, около пяти тысяч человек, из них порядка тысячи были убиты, и некоторые из них оказались на дне реки, погребенные илом. Ретивые популяризаторы науки из продвинутых онлайн-журналов даже прозвали это сражение нулевой мировой войной. Мечеслав, то есть конечно Андрей Сергеевич, был с ними в целом не согласен, но что-то такое во всём этом было… Не то, чтобы загадочное – скорее, непознанное.

В конце второго тысячелетия до нашей эры в мире происходило много интересного. В Египте царствовал фараон Рамзес II. Правитель хеттов Муваталли II нанес египтянам поражение в битве при Кадеше – однако, это не помешало Рамзесу объявить о своей великой победе. Ассирийский царь Нинурта захватил Вавилон, а потом вторгся в Элам. В Китае в это время благоденствовало первое из известных здесь государств – Шан. Уже случилось легендарное извержение вулкана на острове Тир, погубившее Минойскую цивилизацию. Скоро должна была начаться воспетая Гомером Троянская война. Средиземноморский регион и Ближний Восток находились на пороге так называемой катастрофы бронзового века.

Но все эти египетские пирамиды, месопотамские зиккураты и кносские дворцы были изучены, можно сказать, вылизаны археологами вдоль и поперек. А вот про битву при Толлензе, как и о ее участниках, причинах и результатах, не было известно решительно ничего. Мелкая немецкая речушка долго прятались в глубине веков от пытливого взора ученых и совершенно

не собирались оттуда выходить. Так бы всё это и осталось при традиционных методах исследований, но когда широкое внедрение получил инструментарий исторического эксперимента, появился уникальный шанс.

Проблема была в затратности такого рода проектов. Наука-наукой, а фонды не резиновые, потому одновременно в разработке находилось не более пяти крупных проектов в год. Очередь стояла – на несколько лет вперед. Решение принималось ученым советом Института, и каждый раз, готовя обоснование, приходилось из кожи вон лезть, пытаясь доказать, что прояснение путей миграций скифов куда важнее для науки, чем подсунутый европейским отделением проект по изучению этрусков. При выборе тематик исследований важную роль играли разные факторы, вплоть до аргументов типа «но желательно в июле и желательно в Крыму». Поэтому, представляя ученому совету свой макет-проект по изучению битвы на реке Толлензе, Андрей Сергеевич не испытывал особых иллюзий относительно его перспектив. Советом обсуждались куда более интересные, на взгляд обывателя, проекты типа наблюдения за уже упомянутой катастрофой Минойской цивилизации или прояснения обстоятельств призвания на Русь варягов. Но ученый совет, а как потом узнал Андрей Сергеевич – и само Министерство, и его кураторы со Старой площади – приняли другое, можно сказать, политическое решение: включить проект «Толлензе» в план работы Института на очередной год.

Так Андрей Сергеевич Ковальчук попал в ближний круг кнеза рарогов Бодрича под видом ковача, то есть плавильщика бронзы, звался он теперь Мечеслав, и работа его уже начала приносить вполне пристойные на вкус и цвет научные плоды.

* * *

Наутро погода испортилась. От былого праздника не осталось и следа. Ветер гнал по небу серые тучи, накрапывал дождь. Люди убирали остатки пиршества, тушили кострища, прикапывали ямины, но никто не расходился. Общий сбор назначен был на полдень, на том же лугу, где еще совсем недавно гриди состязались в воинском мастерстве. Но всё так же гордо возвышался шест с щитом, на котором из бычьей кожи пошит был рарог – знак кнеза Бодрича. Воскурили жрецы Сварожичу трав лесных, принесли ему в жертву козленка полугодовалого – и началось действо.

Встали в круг все званные из разных племен да родов. И каждого из них лично приветствовал кнез, каждый был ему дорог на пороге грядущих событий. И Велимир, посланец древан, был среди них. Когда же церемонии закончились, вышел кнез в центр круга и молвил зычным голосом:

– Живы буди, люди славные!

Дружные крики одобрения встретили его слова. Когда стихли они, продолжил кнез:

– Не для радости собрал я вас ныне, но для ноши тяжкой. Эрбины, это про́клятое племя, вторглись в земли древан, братьев наших. Их земли – наши земли! Их кровь – наша кровь! Варги подлые грабят и убивают, жгут детей наших в пещах огненных, гонят нас с домов наших. Не можно то терпеть. Призываю ныне всех славных людей вернуться к племенам да родам своим, дабы поднять их на битву с варгами, отродьем Чернобожьим. Я, Бодрич, кнез рарогов, призываю вас на битву!

Снова возгласы одобрения раздались в ответ на слова его. Кнез пользовался всеобщим уважением, он слегка осадил крики рукой:

– При отце моем, Добромысле, тихо сидели чернобожники, не смели они ходить в земли наши. А всё потому, что во времена отца моего отца, Гардомира, выгнали проклятых за Лабу, многие из них остались в земле нашей на веки вечные, без погребения. С тех пор жили мы в мире, и всем всего хватало по берегам Белой реки. Но эрбины нарушили наш вековой уговор

и снова явились к нам. Мы найдем, чем ответить! Они пришли, чтобы жечь и убивать – мы же убьем и пожжем их самих, как это было при отце моего отца!

Последние слова кнеза: «Наши деяния в правде Сварожьей! Варги будут биты! Мы победим!» – потонули в одобрительных воплях и грозном звоне оружия. Мечеславу эти слова удивительным образом напомнили что-то давно и хорошо знакомое, то ли виденное в фильмах, то ли описанное в книгах.

На лугу тем временем всё пришло в движение. Кнез сел на подведенного ему белого коня и, в сопровожении гридей, отбыл в направлении стольного гарда своего, называемого Зверин, на берегах одноименного же озера. Озе́рами тут, кстати, называли и моря тоже (езеро – зее – sea), так что надо было еще не перепутать.

Вослед отъехавшему кнезу тронулись и другие племена и роды со своими предводителями. Луг превратился в настоящий табор – ржали кони, разъезжались телеги на тяжелых деревянных колесах, шли люди с мешками скарба. И в этом не было ничего нового – когда-то давно, еще до того, как арьи, предки славных людей, осели в восточноевропейских лесах, они кочевали по просторам Евразии, и сила их была не только в бронзовых топорах, но еще в конях и колесницах. А секвенирование генома тех же скифов дало ответ на давно мучивший науку и казавшийся неразрешимым вопрос – кто они такие? Так вот, скифы оказались своими, гаплогруппа R1a, так-то.

* * *

Не сказать, чтобы всё это стало неожиданностью для вождей племен славных людей. О том, кто такие эрбины и что у них за повадки, тот же кнез знал предостаточно – и от отца своего, и от отца своего отца, и от боляр да воинов бывалых. Про ворожью сущность этого зловредного племени славные люди ведали уже много поколений, с самой первой встречи. Когда это случилось впервые, науке было неизвестно. Существовали вполне обоснованные версии о том, что встречались они еще в кочевое время, где-то в поволжских степях в седьмом тысячелетии до нашей эры, в лице ямников, абашевцев (предков эрбинов) и шнуровиков, фатьяновцев (предки арьев). Есть мнение, что следы этой встречи прочно впечатались даже в мифологию – асы против ванов. Но это неточно.

Мечеслав, то есть, конечно, Андрей Сергевич, не имел привычки переносить гуманистические идеалы второй половины двадцать первого века на прежние эпохи, это было по меньшей мере наивно. С точки зрения современных людей всё, что он видел в рамках своих экспериментальных исторических штудий, было дикостью и варварством от начала и до конца. Но, живя в тринадцатом веке до нашей эры, смотря в глаза этим людям, деля с ними краюху хлеба и кусок вяленого мяса, труды и отдых, горе и радость, Мечеслав не мог не признать – угол зрения менялся, и проявлялись детали, не видимые из будущего.

Эрбины вели себя совсем не так, как жившие в здешних лесах предки славян. Финно-угорские племена, гаплогруппа N, жившие по-соседству на берегах Балтики, тоже так себя не вели. Да что там угры – даже степняки, жившие в Пуште далеко на полудне, на берегах Голубой реки, которую тогда еще не называли Данубисом, такого не вытворяли, хотя были способны на многое.

Кнез не зря поминал времена своего деда. Тогда эрбины пришли из-за Лабы ночью и напали на племя моречан, что жили в лесах на месте впадения Спревы в Белую реку. То, что дальше творилось в землях моречан, не поддается описанию. Конечно, и славные люди, и их соседи носили оружие не для красоты и обнажали его не только на ристалищах, чтобы порадовать богов и глядящих с небес предков. Были и битвы за угодья, и набеги за добычей ватаг лихих удальцов, искавших себе чести, а кнезу славы, и кровная месть, и умыкание невест из чужих родов, и взятые в бою пленники. Горели гарды и селения, лилась кровь, жены рыдали

над павшими мужьями, а матери – над сыновьями. Однако же воевали, чтя правду богов, щадя безоружных, понимая, что после с этими самыми соседями будут торговать, поднимать чаши на пирах и родниться. Так поступали все – арьи, угры, тюрки, кавказоиды и даже кроманоидные расы Европы. Но не эрбины. Эрбины же, начав войну, не давали пощады никому, пуская всех под нож: мужчин, женщин, детей, стариков… Притом к убийству они подходили с выдумкой: то резали своих жертв ножами и рубили топорами на куски, то сжигали, садили на колья, глумились над еще не остывшими телами… Мечеславу и тут показалось, что он это уже где-то видел, но сейчас было не до компаративистики.

Люди бронзового века не были мальчиками из церковного хора. Они просто выживали, как могли. В примитивных обществах повсеместно отмечался среднестатистический уровень жестокости, и она часто была оправданной – в тех условиях, разумеется. Те же арьи под предводительством своих вождей так разбирали на запчасти вторгавшихся к ним чужаков, что любодорого посмотреть! Но различие всё-таки было. Женщин и детей неприятеля не принято было убивать – разве что они погибали случайно или сами восходили на погребальные костры. Женщин и детей вообще незачем было убивать, это противоречило логике древних обществ. Женщины прекрасно вписывались в примитивную социальную структуру, они могли стать наложницами и даже женами, приносить пользу и рожать детей – полноценных членов родового союза – работать в поле и по дому. И дети врагов тоже не пропадали: мальчики подрастали и могли работать, а девочки – смотри пункт один.

Поэтому не было ничего удивительного в том, что славные люди так быстро схватились за оружие. С этим злом они уже сталкивались. Эрбинов они считали нелюдью, отродьями Чернобога, которым светит не белый сварожий свет, а черное солнце упырей и навьев… О чем было с такими говорить? О чем договариваться? Врагов – их тут называли варгами – надо было уничтожать и изгонять, а не пить с ними братины. Так завещали предки, так велели светлые боги.

* * *

Современная наука пролила свет на многие загадки прежних эпох. Правда, по ходу она тут же создала новые – но таковы были законы жанра.

Так называемые эрбины палеогенетике были прекрасно известны, эту тему проходили студенты в вузах, курсе на третьем. Считалось, что индоевропейские народы – в палеогенетике их принято было обозначать латинской буквой R – достаточно давно, тысяч за двадцать лет до нашей эры, разделились на две основные ветви или по-научному Y-гаплогруппы: арьев – R1a и эрбинов – R1b. Судьба надолго развела их. Львиную долю из этих двадцати тысяч лет ветви одного народы странствовали по континенту, не встречаясь. Но случилось так, как иногда бывает в жизни, когда вдруг пересекаются братья, которые не виделись много лет. У каждого своя жизнь, свои привычки, свои семьи, но они вдруг встретились и… не узнали друг друга. Две ветви индоевропейской семьи вошли в контакт на берегах Эльбы, и с тех пор не проходило и пары столетий, чтоб они не сходились в кровавых войнах и стычках – в последнее время этот ритм ускорился, и крупные войны происходили уже чаще, примерно раз в полвека. Воистину, никто не убивает друг друга с таким остервенением, как кровные братья!

Собственно, проект «Толлензе» как раз и привлек внимание руководства в связи с тем, что это было первое в истории крупное зафиксированное столкновение «братских» народов. Андрей Сергеевич, когда готовил обоснование проекта, напирал на то, что событие было архиважное, заложившее фундамент для дальнейшихего развития огромного региона – хотя сам он тогда в этом уверен не был. Фактов у него тогда было с гулькин нос, в основном предположения на грани интуиции, но это сработало.

И вот он стал кузнецом – здесь их называли ковачами – Мечеславом из лужицкого племени мильчан. Племя это он выбрал для легенды, так как оно проживало на краю Ойкумены

славных людей, на самом юге, так было меньше шансов, что его опознают «соплеменники». По легенде он был из семьи потомственных ковачей, но родня его погибла от черного мора, он остался один и отправился искать счастья далеко на север. Мечеслав поселился в гарде Зверине, на берегах Зверинского озера, и уже как три года честно делал свою работу – плавил бронзу и одновременно постигал премудрости экспериментальной истории.

Надо сказать, эрбины интересовали его всегда. И не потому, что они были ему симпатичны – скорее наоборот, от них порой просто выворачивало. Пытливый ум Андрея просто чуял, что здесь еще кроется масса неизвестного. С арьями всё было более-менее понятно: где-то в пятом–четвертом тысячелетии до нашей эры они пришли в движение и разделились на три основные ветви: индоязычные арьи, ираноязычные арьи и праславяне, не считая более мелких народов. Известны были их языки, литературные памятники, маршруты миграций, обычаи, предметы материальной культуры, погребальные традиции и даже внешний вид.

А вот про гаплогруппу R1b сказать так было нельзя. Где-то когда-то они отделились от материнской группы R – где и когда? Как они мигрировали? Как выглядели? На каких языках говорили? Оказалось, что вот они, эрбины, есть, вся Европа ими заселена давно и прочно, а потом и Америка с Австралией – а вроде их и нет. На этой почве возникли даже конспирологические теории о том, что, мол, никакие эрбины на самом деле не индоевропейцы, и говорили они не на флективных индоевропейских языках, а на агглютинативных дене-кавказских, и непонятно, откуда они взялись. Да и люди ли они вообще?

Андрей Сергеевич ничего не имел против конспирологии и криптоистории как таковых, теории были интересны сами по себе, особенно если почитать на сон грядущий. Но он считал, что в науке всё должно быть основано на фактах. Однако, увы, их-то как раз в избранном им историческом периоде было ничтожно мало, даже письменности не имелось … Прояснение этих обстоятельств и стало одной из целей проекта «Толлензе». А теперь приближалась большая война – нулевая мировая как-никак – и это событие могло дать колоссальный массив информации, которую в мирной жизни не получишь.

В рамках проекта уже были неплохо изучены праславянские племена, жившие в тринадцатом веке до нашей эры на территории современной Восточной Германии и бывшей Польши. Традиционные методы исторического познания дали достаточно данных, чтобы реконструировать ежедневную жизнь людей той эпохи, и в открытых в разных уголках России реконструкторских парках вполне себе современные люди пытались жить древним укладом. Там прописались сотрудники научных учреждений, реконструкторы, журналисты, стримеры и блогеры. В публичные зоны таких парков набегали толпы туристов, туда водили школьников и студентов в рамках курса истории, там снимали научно-популярные фильмы и интернет-ролики, а огромная аудитория сети следила за жизнью их обитателей в популярных реалити-шоу. Всё это тоже можно было рассматривать в русле методологии исторического эксперимента, но Андрей Сергеевич не относился к такому серьезно: да, определенные данные реконструкторские методы могли дать, но все-таки это искусственное восполнение лакун в истории. Следственный эксперимент не равен преступлению. А история по большей части как раз и состояла из таких вот… преступлений.

* * *

В Зверине на берегу одноименного озера стоял стол кнеза рарогов. Место для гарда идеальное: подобраться варгам к нему было крайне сложно, так как раскинулся он на островах и полуостровах большого озера, входившего в целую систему соединенных реками и проливами водоемов, названную впоследствии Мекленбургским поозерьем. Здесь было много воды, песчаных отмелей, ледниковых валунов и сосновых лесов. По берегам водилось немало всякого зверья – отсюда и название гарда, а сами озера были богаты рыбой. По перелескам вокруг бро-

дили стада зубров и туров, благородных оленей и кабанов. В борах коврами стелились ягодники и в изобилии произрастали грибы и орехи. Вокруг селений славных людей распахивались поля, на которых по системе двуполья выращивали ячмень, рожь и овес. Пшеница тут росла хуже, ее везли от лужичан, что жили южнее. На заливных лугах паслись коровы – как и в Индии, здесь они считались практически священными животными, поэтому животноводство было в основном молочным. Люди держали также лошадей, овец и коз, в каждом дворе в загородках хрюкали свиньи.

Гард представлял собой группу поселений на испещренных мысами, заливами и полуостровами озерных берегах. Детинец стоял на большом острове, попасть на который можно было по деревянному мосту, перекинутому между укрепленными валунами берегами – при необходимости мост быстро разбирали. Сам детинец был традиционным для славян и шире – индоевропейцев, такие встречались повсюду, от Германии до Уральских степей. Построили его по единой схеме, которой придерживались наши предки при строительстве Аркаима и древнерусских городищ: частично насыпной холм, укрепленный деревянными клетями с землей, смешанной с глиной; стены из просмоленных дубовых бревен. Пространство внутри организовано по радиально-кольцевой системе, в несколько ярусов: улицы шли по кругу, на них выходили ворота ячеек-домов, а их дальние от входа стены являлись внешними стенами городища. Внутри получившихся, таким образом, больших домов устраивали по несколько очагов, там жили не только люди, но и домашние животные – как правило, в отгороженной, ближней к входу части дома. И так на каждом ярусе. Мостовые были деревянными, под ними пряталась ливнёвка. Центральная часть детинца, где расположены были хоромы кнеза, также имела концентрическую форму, в центре располагалась площадь, которая использовалась для разных целей: тут собирался народ на сходы, здесь воины приветствовали кнеза перед походами, сюда выводили коней.

По берегам озера широко раскинулся посад, тут люди ставили себе, кто во что горазд: позажиточнее – пятистенный сруб, а победнее – полуземлянку с дерновой крышей. И каждый хозяин норовил поставить на крыше пусть маленький, но конек – перекрещенные резные головы лошадей. По озеру постоянно курсировали туда-сюда долбенки-однодеревки, здесь это было главное средство передвижения.

Так что предварительные итоги проекта «Толлензе» уже посрамили тех, кто считал, что в тринадцатом столетии до нашей эры праславяне жили в лесу, молясь колесу. Реальность, конечно, не была похожа на картины Всеволода Иванова, с многоэтажными роскошными теремами и караванами навьюченных грузами мамонтов, но выглядела вполне прилично.

* * *

После дугодневицы кнез пребывал в своих хоромах, повсюду сновали посыльные, в воздухе ощущалась напряженность. Ковача Мечеслава к кнезу гриди допускали беспрепятственно, тут его знали и слушали советы. Кнез Бодрич был неглуп(,) даже по меркам двадцать первого века, а уж по меркам своего времени…

– А, се ты, брате мой! – такими словами встретил он Мечеслава и трижды расцеловал, по старому обычаю. – Вишь, напали-таки на нас, проклятые! Богов они совсем не чтут, в священную дугодневицу мерзости творят, покарай их Сварожич до десятого колена!

– Светлый кнезе, – начал Мечеслав свою речь принятым тут обращением. – Они выкормыши Чернобога, он их и подстрекает извращать всё, до чего дотянутся, и в самый светлый день самое темное свершать. Удивляться ли тому?

Мечеслав достаточно быстро овладел местным наречием. Удивительно, но язык за без малого три с половиной тысячи лет мало изменился. Язык славных людей интуитивно воспринимался как диалект русского, поэтому человек из будущего начинал уверенно болтать на

протославянском за пару-тройку месяцев. А свой легкий акцент Мечеслав объяснил тем, что сам он родом из мильчан, далеко на юге.

– Прав ты, брате, во всём прав, – ответствовал кнез. – Кабы дело касалось только происков варгов, я б и сомнений не ведал. Но то, что они в канун дугодневицы напали… И прочее всё… Мнится мне в том колдовство черное, а в чем оно – уразуметь не могу.

– Так может сходить к волхвам сварожьим, в Радогост. Требы положить. Так волю богов и вызнаешь.

– Нет, брате, не понял ты. Воля их мне известна – бить варгов, как это делали отец мой и отец отца. Тут никаких треб не надобно. Они уже принесены, и Сварожич повелел нам взять оружие в руки. Я об ином. Ежли всё это козни Чернобога, то надобно в том разобраться. А то ляжет на нас всех порча…

– Да кто ж тебе про то скажет, светлый кнезе? Даже я совет дать не смогу, не ворожея, чай.

– Ты не сможешь. Боляре мои не смогут. Даже волхвы не смогут. Но есть те, кто сможет. Живет в лесах неподалеку от Любицы, у моря, вештица одна. Она про древнее темное колдовство всё ведает…

Мечеслав удачно изобразил удивление:

– Светлый кнезе хочет обратиться к вештице?

Помрачнел Бодрич.

– Я, брате, к любому обращусь ныне, ежли поможет мне оно врага одолеть. Понял ли ты слова мои?

Сказал так кнезе и заглянул в глаза Мечеслава. Да так заглянул, что у любого бы душа ушла в пятки. У любого, но не у историка-экспериментатора из двадцать первого века. Тот ответил кнезу открытым взглядом, не опускал лица, не отводил глаз – пусть этот взгляд тоже видят в Центре управления экспериментом.

Усмехнулся вождь рарогов.

– Вот за то люб ты мне, брате, что не прячешь ты ничего за пазухой, прав твой путь.

Мечеслав мог выдыхать. Штирлиц из него удался на славу. Ну, не совсем, конечно, Штирлиц, находился он не в стане врага, а внутри изучаемого объекта, но вписался он в этот объект, как видно, неплохо.

– Так сходишь к вештице той? – снова спросил его кнез.

И вопрос сей тихий не подразумевал отказа.

– Схожу, светлый кнезе, конечно схожу. Ежли потребно то для дела правого, то всё сделаю. Только что мне у нее просить?

– Слыхал я про нее, что колдовать она может, и черное солнце светит ей в глаза, но не ослепляет. А еще молва про нее идет, что грядущее прозревает она не хуже прожитого.

«Так оно и бывает обычно: для тех, кто знает прошлое, будущее не тайна, – подумал Мечеслав. – В этом как раз и состоит мастерство настоящего историка».

– Иди к ней, – продолжал кнез, – дай ей этот знак. Тебе ли не признать его, раз ты сам его сотворил!

Протянул ему кнез на ладони хорошо знакомый Мечеславу знак Сварожича, из бронзы выплавленный. Он представлял собой квадрат с вписанными в него крест-накрест остроугольными эллипсами. Взгляд терялся в переплетении линий его, ибо казалось, что они не имеют начала и конца.

– Да разузнай между делом, что молвит она про эрбинов, про исток силы их да про то, куда всё идет. Окажешь мне услугу – век не запамятую.

– Я сделаю все, светлый кнезе, – поклонился Мечеслав учтиво, – и привезу тебе слова ее, до последнего. Но не за награду. За дело правое стараюсь.

– Иди, брате, за пять дней обернешься. Не медли. А я дам тебе лучшего коня и людей надежных. Сварожич да пребудет с тобой!

* * *

В пути у Мечеслава было время обдумать ситуацию. Правда, езда на коне в тринадцатом веке до нашей эры была тем еще удовольствием. Конь – а они тут все были потомками степных лошадей, невысокие, но мощные, шерстистые и неприхотливые, правда, с ужасным характером – управлялся при помощи простейшей уздечки с бронзовым грызлом и хлыста. Ни седел, ни стремян тогда еще не придумали, сидеть приходилось на привязанной к коню бычьей шкуре и сжимать туловище животного ногами. Несмотря на спецкурс, который он прошел еще в рамках подготовки к проекту, Андрей Сергеевич никак не мог приноровиться к этим своенравным животным и частенько падал. Вот и сейчас: он задумался, не заметил, как конь запнулся, и вылетел на землю под смех сопровождавших его воинов. Впрочем, шею он, слава богам, не сломал, на дальнейшем ходе событий сей инцидент никак не отразился.

А мысль его посетила вот какая. Кнез Бодрич не был безусым юнцом или слабовольным правителем. Вот и на сей раз, при получении вести о вторжении эрбинов, кнез не растерялся, не впал в замятню, он был спокоен и собран. И указания кнез давал верные: помимо своей дружины, собрать ополчение всех родов племени рарогов, немедля послать за помощью к соседним племенам – лютичам, лужичанам, поморянам, усилить надзор за Полабьем, делать оружия да брони больше прежнего, укреплять приграничные гарды, строить валы, собирать коней, перегонять стада, запасать продовольствие и фураж. Все решения были правильными и своевременными.

И тут вдруг вся эта магия и Чернобог. Что-то встревожило кнеза – только вот что? Это тоже предстояло выяснить. Да и с вештицей надо было разобраться. Вештица – это была ведьма. Благодаря трудам господ Шпренгера и Инститориса, авторов «Молота ведьм», а также Гоголя и Булгакова, под ведьмами часто подразумевали сексапильных представительниц прекрасной половины человечества с пониженной социальной ответственностью, имевших близкие связи с нечистым и вредящих людям. В праславянской традиции такого не было. Слово «ведьма» имело корень «вед», то есть – знание. Ведьмы знали о мире и о людях более, нежели другие, и само по себе это не было злом. Даже напротив, ведьмы и знахарки пользовались всеобщим уважением, поскольку люди видели приносимую ими пользу.

Жила искомая вештица в лесах у Любицы, неподалеку от морского побережья, в двух днях езды от Зверина в северо-западном направлении. Посланники двигались по узким тропам, вброд переходили небольшие речушки, обходили озера и селения. Приятнее всего было идти по светлым мшистым борам и по краю обрабатываемых полей. В чащах же, оврагах и болотах их спасала еле видная тропка и мастерство спутников Мечеслава, знавших дорогу. В пути он издалека приметил стадо зубров с телятами, очень милыми, но ближе к ним подходить нельзя было, лесные быки в это время подозрительны и опасны. У родника они увидели еще семью кабанов и ждали, пока те напьются. Зверье здесь не били понапрасну, берегли. У пращуров наших было чему поучиться.

Заночевали прямо в лесу, на мху. Благо, было тепло. На закате слушали песни лесных птах, к ночи сменившиеся криками сов. Ели вяленое мясо с лепешками, прижарили на костре собранные возле лагеря грибы – охотиться было некогда – а в золе потом запекли прихваченную с собой репу. Эх, сюда бы картошечки!

Картошка, картошечка! Как же Андрей Сергеевич скучал по ней! В тринадцатом веке до нашей эры, конечно, можно было поесть. Рыба, мясо, молочка – это было во вполне съедобном виде. Были еще ягоды и грибы, каши, лепешки… Андрей Сергеевич знал, на что шел. Отсутствие шоколада, помидоров, котлет, авокадо и ягод годжи не расстраивало его так, как отсутствие ее, картошки. Вместо нее можно было съесть ту же печеную репу, но… заменить картошечку та не могла. Картошка ему периодически даже снилась – то жареная соломкой, с

солененькими опятами, то отварная, в мундире, приправленная сливочным маслицем, то нежнейшее, как крем, пюре, пахнущее сливками, то запеченая в золе, которую надо было отряхнуть, соскрести шкурку и посыпать крупной солью. А были ведь еще картофель Пушкин, картофель по-деревенски, картофельная запеканка с мясом, вареники с картошкой и жареным лучком, картофельные клецки с жирной сметаной, драники, картофельные зразы с сыром и теплый салат с картофелем и обжареным беконом. Существовал миллион способов приготовления картошки, и во всех она была хороша. Но увы! – в тринадцатом веке до нашей эры в Европе никакой картошки не было, и это факт. Приходилось терпеть. Ну, или строить корабли и открывать Америку.

Вторую ночь пришлось коротать у могучего дуба, под наскоро сооруженным навесом из шкур, прячась от дождя. Зато наутро они достигли Любицы. Здесь тоже было много озер и речушек, главной из которых считалась впадающая в море Трава. Вдоль ее берегов и впрямь раскинулись заливные луга, на которых паслись коровы. Речка впадала в море в местечке с таким же названием. Оно и теперь было примерно таким же – Травемюнде.

Гард Любица, как здесь принято, тоже стоял на острове, защищенный со всех сторон водой. Здесь было выстроенное по общему правилу городище с посадом. В гарде сидел Любомир, младший брат кнеза Бодрича. Но им к нему не надо было заглядывать, гард они обошли стороной.

Праславяне жили не только и не столько в деревнях, сколько в городищах – гардах поместному. И их было много! Уже в двадцатом веке специалисты насчитали более семисот на территории Германии. Мечеслав, разъезжая по ковачским и торговым делам, лично наблюдал где-то около сотни. Это было немало для того времени и той местности. Прежде-то считалось, что тут три хибары на сто километров, а оно вона как. История человечества на поверку оказалась более долгой и интересной.

* * *

Искомая вештица обитала в лесной хижине неподалеку от озерца, синевой своей соперничающего с безоблачным небом, среди сосен с причудливо искривленными стволами. Издалека доносился шум прибоя. Прямо курорт! Но здесь даже не это было главным. А то, что вокруг хижины среди деревьев сидели, лежали и бегали туда-сюда десятки лисиц! Мечеслав никогда столько за раз не видел, даже в зоопарке. Все они были разного окраса – ярко-рыжие, коричневатые, цвета обожженной глины, совсем светлые, пепельные, и черные, и серые. Но все были непуганные, нахальные, повышенной пушистости и довольно-таки упитанные. Лисички валялись на мшистой подстилке, вальяжно зевали и путались под ногами. Мечеслав был предупрежден, что наступать на них или еще как-то обижать категорически запрещалось, это разозлило бы лесных духов.

Впрочем, он и не собирался. Обижать такую милоту! Лисы выглядели ручными и неагрессивными. Он наклонился к одной из лежащих рядом лисиц и не удержался, почесал ей бочок. Та не убежала и не попыталась укусить, а, напротив – довольно подставила ему животик и вдруг… засмеялась. Подбежали другие лисы и тоже… принялись подставлять свои брюшки и демонически хохотать. Спутники Мечеслава, не боявшиеся ни варга, ни лютого зверя, застыли, схватившись за обереги. Он тоже ощущал себя немного не в своей тарелке, но страха не было. Лисички были явно какие-то… непростые. Наверное, и вправду трогать их не следовало, но он не мог лишить себя удовольствия и почесать теплые пузики обеими руками.

– Лесные духи приняли тебя! – услышал Мечеслав у себя за спиной низкий, грудной голос.

Он обернулся. Это была вештица! Сколько ей зим минуло – не разобрать, но, судя по всему, женщина не молодая и не старая. У нее были рыжеватые волосы и выразительные глаза.

Лицо выкрашено, как у модницы двадцать первого века, – пастой с добавлением извести, глаза и губы ярко обведены черным – наверное, углем. Тело ее, проглядывавшее сквозь темное кожаное одеяние, щедро испещрили татуировки с ветвистым, ни на что не похожим узором. Зато поверх одеяния навешаны были лисьи хвосты, а на голове красовалась лисья шкура с оскаленной пастью. Образ завершали украшения с амулетами из звериных зубов и переливающихся нефритовой зеленью жуков-бронзовок на шее, плечах и груди. Зрелище воистину величественное!

Спутники Мячеслава опустились на колени. Лисицы окружили их, не прекращая смеяться и подтявкивать.

– Это духи леса. Разве они не прекрасны? – спросила вештица.

Мечеслав утвердительно кивнул. Голос у нее был властным и берущим за душу. Такой впору царице какой-нибудь, но обладательница его была всего лишь ведуньей-отшельницей. Ведьмой.

– Ждите здесь, славные люди. А ты заходи, – пригласила красотка в лисьей шкуре, показав ему рукой на хижину. – Зови меня Лапса.

* * *

Вечерело. Туман растекался меж кривых сосновых стволов. Вдалеке вздыхал прибой. Лисицы, судя по всему, остались сторожить спутников Мечеслава, они иногда еще похохатывали во тьме, но уже не хором. А сам он угодил внезапно на вечерю к хозяйке лис. Они сидели на пучках сухих ароматных трав, рассыпанных на земляном полу хижины, у круглого, обложенного камнями очага. Рыжие отблески пламени освещали их лица.

– Возьми, – сказала вештица, назвавшаяся Лапсой, – испей.

Она протянула Мечеславу глиняную чашечку с каким-то пахучим отваром. Инстинкт самосохранения говорил, что пить это нельзя ни в коем случае. Но что-то другое просто настаивало на том, что попробовать надо обязательно, а с ним, как с посланцем кнеза, ничего не случится.

Мечеслав с благодарностью принял из рук ведуньи чашечку и залпом выпил отвар. Рога с копытами у него вроде не выросли, и то хорошо.

– Сам тебя ко мне прислал? – спросила Лапса.

– Да, – кивнул Мечеслав, – он хотел бы…

– Мне ведомо, что он хочет.

Мечеслав поднял бровь. Вештица, даром что жила в глуши, на отшибе, была неплохо информирована.

– Он ничего мне не передал?

– Передал. Вот, – Мечеслав протянул ей на ладони знак Сварожий, блеснувший всполохами огня.

Лапса взяла драгоценную вещь в руки и погладила ее кончиками пальцев, будто чуяла нечто недоступное прочим.

– На этом знаке след твоих рук, – сказала она.

– Ты угадала, я ее выплавил.

– Дай мне свои руки.

Голос звучал так властно, что прекословья не терпел. Мечеслав протянул ей руки, она взяла их, развернула ладонями вверх и провела по ним своими когтями так, что всё тело прошиб озноб. Но этого чертовке было мало – она провела когтем выше, до предплечья, до локтя, а потом и вовсе – до плеча, задрав грубую льняную, похожую на мешковину, ткань рубахи. Озноб прошиб тело вторично, и она, увидев результат, убрала руку. Лицо ее было задумчивым.

– На, испей еще, – протянула она ему другую чашку с варевом, на сей раз темным и густым.

Отказ здесь тоже не предусматривался.

После пятой чашки Мечеслав начал ощущать легкое опьянение. Таки подпоила, ведьма. Общение с такими дамами сулило немало опасностей, но он отчего-то тревоги не ощущал, хотя чуйка обычно его не подводила. Вообще-то он изначально и попал в тринадцатый век, чтобы везде залезть и всё попробовать. Он был подопытным кроликом, такова была его профессия. И общение с разного рода вештицами вполне себе входило в число заданий. Ну а если ему будет грозить настоящая опасность, в Центре примут меры.

– Уважаемая Лапса, да продлятся твои дни, а можно все-таки узнать у тебя, что ты хотела бы ответить кнезу, он ждет ответа, – язык уже заплетался, но Мечеслав, хоть и несколько витиевато, но все-таки старался формулировать свои вопросы.

– С кнезем-то всё ясно, – ответила Лапса. – На его земли напали эрбины. Это сильный противник.

Мечеслав пожал плечами – это и так все знали.

– Славным людям не привыкать сражаться с варгами. Но эти особые, – уточнила Лапса. – Сила их – в черном солнце.

– А одолеть-то их как?

– Чем черное солнце отличается от того, что ты видишь каждый день?

– Ну, черное солнце – это…

– Солнце вращается посолонь, а черное солнце – в обратку, – усмехнулась она. – Наше солнце – это жизнь, их солнце – смерть.

Модель была логичной, рабочей. Но как трансформировать эти откровения в практическую плоскость? И только он хотел спросить про это сидевшую рядом с ним хозяйку лис, как она сама ему ответила – читала мысли, не иначе!

– Кнез Бодрич сильный воин. И немало в землях его других добрых воинов. Но эрбинов им не одолеть.

– Что же нам делать?

– Раскрутите их солнце в обратку. Только так. Вождь их болен и слаб, у эрбинов все вожди таковы. Вся сила – у жрецов. Жреца ищите. В нем вся сила. Но его не убить так просто, не человек это.

– Но как…

– Мне мало дела до всех этих ваших вождей и сражений, – отрезала Лапса. – Кнез спросил – кнез получил ответ. А остальное… Люди так созданы богами, что всегда воюют друг с другом. Всё это старо, как земля и как небо.

В лесу стало совсем темно, даже лисицы внезапно затихли, вместо них стали кричать совы.

– Так что…

Вештица положила руку на губы Мечеслава. От руки пахло травами и чем-то еще, трудно уловимым, от чего хижина поплыла перед глазами.

– Ни слова. Ни слова про кнеза и про эрбинов. Ты…

– Что я?

– Ты важнее их.

– Я…

– Не притворяйся. Я вижу, когда мне лгут.

– Так… эээ….

– Ты отличаешься от тех, кого ко мне кнез прежде слал.

– Надо полагать…

– Ты темный…

Это была правда – у Мечеслава были темные волосы и глаза, да и кожа могла похвастаться загаром.

– Я ковач, кожа моя темна от жара печного.

Вештица в ответ хмыкнула. Мечеслав не знал, что и думать. Лесная ведунья оказалась проницательнее всех встреченных здесь, в этом времени, людей, раз что-то заподозрила. Очевидно, сейчас требовалось отвлечь ее внимание.

– Вижу я, – продолжила она, приподняв рукой его подбородок, – что ты не тот, за кого себя выдаешь.

Мечеслав улыбнулся:

– И кто же я?

Тут пришел черед вештицы засмеяться. И вдруг ррраз! – она схватила Мечеслава за плечи и лизнула ему шею до самого уха. Сказать, что он обалдел – это ничего не сказать.

* * *

Андрей Сергеевич Ковальчук не уделял много внимания романтической стороне жизни. Проблем в общении с противоположным полом у него не было, но долговременные отношения не клеились. Девушки были капризны и требовательны, под них всегда надо подстраиваться и постоянно ощущать, что ты должен соответствовать высоким (вернее, завышенным) ожиданиям, а тебе не должен никто и ничего. А еще девушки постоянно проявляли характер. Андрей его тоже проявлял. На самом деле, он отдавал себе отчет в том, что всё это отговорки, а настоящих причин нежелания создавать долговременный союз было две: первая – ему самому брак и семья были не очень-то и нужны, а вторая – с подавляющим большинством современных девушек ему было банально… скучно. То есть не о чем поговорить. Как оказалось, именно это и было главным в отношениях, а не цвет волос, форма и размер груди и длина ног.

Что касается проекта «Толлензе», то тут у него были задачи, не подразумевавшие серьезных отношений. Хотя сами по себе контакты с противоположным полом не запрещались инструкциями – все взрослые люди и всё понимают. Поэтому он организовывал свою личную жизнь, как мог и как хотел. В помощь ему были игрища и вот это вот всё – цветущий папоротник, веночки, прыжки через костер и гадания. Отчего-то принято считать, что предки наши блюли целомудрие и жили исключительно в рамках партиархальной семьи. Это и так, и не так. Девушка, потерявшая девственность на дугодневицу и даже принесшая после этого, не считалась порченой, напротив – ее будущий супруг мог убедиться, что она здорова и может рожать потомство. В бронзовом веке такие девушки пользовались повышенным спросом на брачном рынке. Порченными считались те, кто не мог родить.

Но тут намечался совершенно особый случай. То самое предложение, от которого нельзя отказаться. Столь экзотических дам Андрей еще в объятиях не держал, это был аргумент за. Да и выпитое зелье ударило в голову и разогнало сомнения. А почему бы, собственно, и нет? Единственное – во всем надо было проявлять разумность и осторожность. Только вот попробуй тут!

Вештица внезапно резво вскочила на него, оседлала, сжала своими сильными ногами – наверное, чтоб не убежал – и далее началось такое, что могло бы заставить краснеть операторов Центра управления экспериментами. Но Мечеславу это даже нравилось, адреналин играл вовсю. Чтобы не превращать эпизод в материалы к суперпопулярному эротическому видеоотчету, Мечеслав закрыл глаза, отключая, таким образом, встроенные в хрусталики основные камеры. После этого автоматически включалась «ночная» камера на его плетеном очелье, замаскированная под стеклянную бусину, которая транслировала всё происходящее в Центр. Но и ее можно было отключить в ручном режиме, повернув незаметный рычажок на бронзовой бляшке, вставленной в то же очелье, что он незаметно и сделал.

Лапса была дамой, судя по всему, опытной, она возвышалась над ним и сама контролировала процесс. Он чувствовал, как что-то мягкое и пушистое щекочет его обнаженную кожу (и когда только успела стянуть рубаху?) – должно быть, украшавшие Лапсу лисьи хвосты. Или вештица перекинулась в лису, и у нее отросла звериная шерсть? Он этого не видел, но попытался представить и…

Дальнейшее было неописуемо. Он не ожидал такого от нее и еще меньше ожидал от себя. Когда сознание милостиво оставило Мечеслава, в его горячих видениях – собственно, это были не совсем и видения – фигурировали оскаленная лисья морда, щекотавшие кожу хвосты и тяжесть тела, выпивающего его душу. Раскачивались амулеты из костей и зубов, горели нечеловеческим огнем зеленоватые глаза, а рот, хищный и чувственный, ухмылялся, впиваясь в свою добычу.

* * *

«Что мы знаем о лисе? Ничего. И то – не все».

Мечеславу внезапно вспомнился старый детский стишок. Лисы считались существами уважаемыми и магическими у многих народов – Андрей не так уж и давно закончил археологический, и полученные там знания по истории древних верований еще не успели выветриться из головы. Одна кицунэ, японская лиса-оборотень, чего стоила! Она была инфернальной, эта девятихвостая японская лисонька – кстати, он опрометчиво не подсчитал, сколько хвостов у Лапсы, это могло открыть глаза на ее природу. Обычно такие лисы соблазняли мужчин и высасывали у них жизненную силу. Тявканье лисиц японцы как раз и называли «кицу», откуда и пошло ее название. Ну что же, весьма реалистично.

По одной из версий, в Японию девятихвостая лиса-соблазнительница попала из Китая. Впрочем, лисицы куролесили также в Корее и во Вьетнаме. Отметились они и в Европе, с ее «Романом о Лисе» и Рейнеке-лисом Гёте. Да и наша русская Патрикеевна тоже была ох, как непроста! Об этом не все знают, но прозвище свое рыжая получила от древне-литовского князя Патрикея, сына Наримунта, из рода Гедиминовичей, подвизавшегося на службе у Господина Великого Новгорода. По слухам, князь был оборотнем и за ним числились мутные дела с новгородскими ушкуйниками. Так-то по древнерусской традиции лиса была спутницей и воплощением богини Макоши.

Часто в легендах лисы описывались хитрыми бестиями, соблазнительницами и паразитками, приносящими своим жертвам сплошные беды и несчастья. Однако встречались и мудрые лисы, посланцы богини Инари – верные друзья и прекрасные любовники, дарующие людям удачу. После нынешней ночи Мечеслав готов был поверить в любые байки, будто он и не жил никогда в двадцать первом веке.

* * *

Разбудил его рассветный холодок – у хижины не было капитальных стен, их роль играл плетень, пропускавший и дневной свет, и прохладу. Состояние было неважнецким, как после бодуна, только крепкого алкоголя он вчера точно не пил – перегонный куб здесь еще не изобрели. А вот всякие настоечки – пожалуй, что и пригубил. Небось, на маке, белладонне, мухоморчиках всяких. Вештица была опытной не только по любовной части, но и в зельеварении.

Мечеслав поднялся с лежанки из сосновых лап и сухого мха не без труда. Всё тело болело, как будто по нему ночью проехался отсутствующий в этом мире поезд. Руки и ноги дрожали и функционировали как-то неуверенно. Но при этом всём он был… совершенно счастлив. Вот ведь! Лисица-оборотень обычно губит своих любовников, забирая у них силы – но он никогда не слышал, что она делает их счастливыми. В мире вокруг много чего творилось, но он забыл

на время и про войну, и про кнеза, и даже про проект свой забыл, а только вспоминал то, что случилось с ним ночью, и улыбался.

Когда Мечеслав пришел в себя окончательно, он обнаружил, что сидит на лежанке абсолютно голый. Одежда его была раскидана по хижине и даже вокруг нее, а на теле обнаружились глубокие царапины и даже следы зубов, возможно, лисьих. Вот это зажгли они вчера! Самой Лапсы в поле видимости не было – наверное, обернулась лисицей и убежала в лес, мышковать. Зато лисицы ее спали вокруг хижины – охраняли. Крепко спали и спутники Мечеслава – должно быть, их тоже чем-то усыпили.

Возле хижины он нашел большую, выдолбленную из дубового ствола корчагу с водой, напился – его мучила жажда – умылся и привел себя в порядок. Подвигался, разминая мышцы, и разбудил своих провожатых – те тоже просыпались в слегка очумелом состоянии. Никто не помнил, как уснул, и что тут вообще творилось ночью. Лисы опасные звери! Как только спутники Мечеслава пришли в себя, они тут же уставились на него не без некоторого удивления, смешанного с ужасом.

– У меня что – рога на лбу выросли? – вопросил он наконец.

– Здесь, на лбу, – говоривший показал на свой лоб над переносицей.

Черт, в тринадцатом веке до нашей эры еще не изобрели зеркал! И посмотреть-то негде было. Мечеслав дотронулся до лба над переносицей подушечками пальцев и почувствовал, что там действительно что-то есть, типа небольшого нароста. Мечеслав потер это место рукой – нарост на коже никуда не делся. Странно.

– А какого оно цвета?

– Похоже на кровь. Или на клюквенный сок.

Всё краше и краше! Мечеслав вернулся к корчаге и посмотрелся в воду. На лбу красовалась бордовая капля, будто темная кровь стекала со лба вниз, к переносице. Мечеслав попытался смыть ее – но не тут-то было, «украшение» не смывалось и не отскабливалось. Ну, Лапса! Это, определенно, была ее работа!

Мечеслав, конечно, знал, что такие штуки любят в Индии. Женщины там рисуют себе красные точки на лбу, что-то типа «третьего глаза» – называлось это бинди. Мужчины тоже рисовали себе подобное – называлось оно тилаком – но делалось это достаточно редко. В основном украшали таким образом свой лоб последователи разных религиозных течений, шиваиты или шакты. Но причем тут поклонники доарийской богини-матери Шакти и, извините, Мекленбургское поозерье эпохи бронзы? Всё это требовало прояснения. Его новое «украшение» особого беспокойства Мечеславу не доставляло, хотя люди, конечно, косились на его лоб.

Лапса все-таки явилась еще раз, когда они шли к опушке, где оставили коней. Она буквально материализовалась из влажного утреннего тумана в зарослях папоротника возле тропы. Всё в ней было прежним, только на груди, на кожаном шнурке, красовался княжий дар – бронзовый знак Сварожий.

– Лесные духи помогут тебе, где бы ты ни был! – сказала она, подняв правую руку вверх. – А кнезу передай, что победу он одержит – и не одержит. Эрбинов нельзя победить, если только не… Кнеза береги, не сторожится он, на беду наскочит. Ежли что с ним стрясется – вези ко мне, помогу.

Сказала – и исчезла в пушистых ветвях молодых сосен, блестящих от росы. Многие вопросы остались без ответов.

* * *

Путь назад всегда короче. На душе было тревожно. Война и всё, что с ней связано – что в тринадцатом веке до нашей эры, что в двадцать первом веке эры нашей – это всегда страшно и жестоко. Но когда на тебя уже напали, поздно топить за мир – в этом состояла

ошибка большинства миротворцев. Да и было во всем этом что-то… нелогичное что ли? Это слово не отражало всего спектра ощущений. Творилась натуральная чертовщина. Напавшие на славных людей соседние племена оказались чуть ли не отродьем сатаны. Умудренный опытом кнез почему-то ждал ответ не от своих ближних людей, боляр и бывалых воинов, а от какой-то лесной ведьмы. Она же, в свою очередь, все эти ответы знала заранее, плюс к тому чуть не рассекретила самого Мечеслава – а может все-таки рассекретила? Или ему просто показалось?

С эрбинами же вышла вот какая штука. Андрей Сергеевич понял это совсем недавно – почему он прежде не обращал внимания на этот факт? Эрбинами на научном сленге называли носителей гаплогруппы R1b. Первым это придумал сделать Анатолий Клёсов. Личностью он был весьма интересной: родился еще в Советском Союзе, изначально был биохимиком, специалистом в области полимеров, по слухам, хорошим. Потом уехал в США и…

…заделался антропологом. Создал новую науку – ДНК-генеалогию и активно занялся написанием книг и формированием пула сторонников. Кто только не подверг его научные методики критике! – вполне, кстати, справедливой. И историки, и антропологи, и этнологи, и генетики, и лингвисты. Среди главных обвинений фигурировало то, что Клёсов перепутал термин «гаплогруппа» из биологии с термином «род» – из социологии, что привело к отождествлению, например, гаплогруппы R1a с ариями и славянами. Клёсова обвинили также в популизме – на это, по мнению критиков, указывала упаковка его теорий в модную псевдонаучную форму, привлекательную для обывателя, из-за чего автору теории приписали чуть ли не нацизм.

Короче, вся отечественная наука выступила единым фронтом, а ДНК-генеалогия вообще была объявлена лженаукой. Правда, лженауками когда-то считались… сложно сказать, какие науки когда-то не считались ложными и общественно опасными. И генетика, и кибернетика. В Средние века крайне рисковано было заниматься астрономией и медициной, в Европе и Америке начала двадцать первого века – историей и гендерологией. Так что дружное осуждение в научной среде далеко не всегда означало, что теория плоха – иногда никудышним было само состояние науки.

Уничтожительной критике подверглось и участие Клёсова в развлекательном фильме Задорнова, где он критиковал так называемую норманнскую теорию. Оно бы и ладно, мало ли кто в каком шоу участвовал, но впоследствии более свежие данные, полученные, в том числе, с использованием методов исторического эксперимента, от норманской теории не оставили камня на камне, однако же уважаемых ученых-норманнистов остракизму в связи с этим никто не подверг. Зато не историкам ДНК-генеалогия нравилась – люди охотно платили деньги за участие в работе клёсовского университета, читали и активно комментировали статьи в его журналах, так что, с точки зрения популяризаторства науки, у Клёсова можно было поучиться.

Сам Андрей Сергеевич к ДНК-генеалогии относился прохладно. Не все концы сходились с концами в клёсовских выкладках об арьях-славянах и вообще… Андрей Сергеевич и в свои труды старался не включать Клёсова, даже в виде ссылок. В обосновании к «Толлензе» его точно не было – это зарубило бы весь проект. Но вот ведь штука: ДНК-генеалогию критиковали все, кому не лень – как наука она и впрямь была слабовата – но вот представителей гаплогруппы R1b все почему-то дружно называли именно эрбинами, по латинским буквам R и b. Но каково же было удивление Андрея Сергеевича, когда, оказавшись в рамках исторического эксперимента в тринадцатом веке до нашей эры, он вдруг обнаружил там самых что ни на есть эрбинов, причем с тем же самым названием. Но какие, какие гаплогруппы могли быть в это время?! Почему эти дикари обозвали себя именно так, а не как все нормальные люди – славными, настоящими… просто людьми, наконец?

Тут Андрею Сергееичу пришло в голову, что и гаплогруппа R1a тоже может быть истолкована аналогичным образом, только наоборот. Самоназванием этой группы считались «арьи», то есть латинские буквы R и a, только поставленные в обратном порядке – a и R. Вот оно что!

Кто-то уже раскрутил солнце в обратном направлении, причем довольно давно. Эта мысль была сродни научному открытию, она грела и ласкала предчувствием настоящего прорыва. Кто-то – а вся описанная схема напрочь исключала самоназвание народов – внедрил современные Андрею Сергеевичу неофициальные названия гаплогрупп в жизнь их представителей в какие-то очень древние времена. Может, это результат некоего неудачного исторического эксперимента? И вообще – кто, когда и с какой целью мог проводить такие эксперименты? Сплошные вопросы без ответов…

От этого Андрея бросало в холодный пот. Обычно для решения проблем используются те или иные методики. Но любой прикладной системный аналитик вам скажет, что, решая конкретную проблему, эти методики в девяноста процентах случаев создают новую. Так же было и с историческим экспериментом: позволяя перенестись ученым в другие эпохи для уточнения тех или иных неисследованных фактов, они одновременно открывали двери для возможных ошибок и даже преступлений. И как было теперь отделить котлеты от мух, то есть настоящие исторические факты от искусственно внедренных недобросовестными «экспериментаторами»? Сколько сил было потрачено на очистку науки от какой-нибудь лысенковщины, от нацистских расовых теорий, от древних укров, выкопавших Черное море, и «фактов» посещения американцами Луны в шестидесятых годах двадцатого века. Но как теперь очистить научное здание от эрбинов – если подтвердится версия их умышленного внедрения в исторический процесс? Как теперь вообще верифицировать известные исторические факты, если можно отправиться в прошлое и сфальсифицировать их?

Воистину, история, несмотря на все достижения, по-прежнему оставалась мало предсказуемой и в известной мере спекулятивной наукой. Если вообще наукой…

С такими мыслями ковач Мечеслав подъехал к стольному гарду.

* * *

Зверин напоминал разбуженный улей. На окрестных лугах, где еще недавно мирно паслись коровы, стояли лагерем воины племени рарогов, которых много уже собралось под стенами гарда. Кто-то сидел у костра, кто-то спал, завернувшись в плащ, а кто-то занимался обычным воинским делом – чистил доспех, точил камнем лезвие топора, прилаживал оперение к стреле. Повсюду стоял гомон, ржали кони, дым поднимался в небо. Неизбежные признаки приближающейся войны…

Пока Мечеслав шел к детинцу, он встретил несколько знакомых и от них узнал новость – племя укрян с берегов реки Укры отказалось идти на войну с эрбинами. И в том тоже не было ничего нового – укряне давно уже не слали кнезу дары свои, и на игрищах их не видали. Вот оно как, значит? Не напрасно кнез тревожился. Но то была тревога обычная – такое бывало и ранее, когда многие были званы, да являлись не все.

Кнез пребывал в хоромах своих, и на лице его не было ни тени уныния и сомнений, хотя поводов для них имелось предостаточно.

– Будь здрав, брате мой! О, какой ты красивый стал! – кнез явно имел в виду художества на его лбу.

– Да уж, – хмыкнул Мечеслав.

– Ее метка, дар?

Мечеслав кивнул в ответ.

– Что же поведала тебе вештица?

– Слова лисы подобны туману, что не редкость в тех краях.

– Так ты видал лисиц ее?

– Не только видал, но и слыхал.

– Говорят, что тявканье их подобно смеху лесных духов. Что они завлекают путников в чащу, усыпляют его дивными песнями, а поутру в чаще находят только обглоданные кости…

– Не знаю, – Мечеславу захотелось покраснеть, когда он вспомнил, что творилось ночью в лесной хижине, – меня они отчего-то не съели. Наверное, побоялись твоего гнева, кнезе.

Кнез улыбнулся.

– Что она сказала?

– Она сказала, что черное солнце, которому варги поклоняются, надобно раскрутить в обратную сторону…

– И тогда оно станет солнцем прави?

– Так.

– Что еще?

– Что жрец эрбинов – главная сила, и его просто так не убьешь, не человек он. А далее мутно. Вроде одержишь ты, кнез, победу в рати грядущей – а вроде и нет. И сказала еще, что эрбинов нельзя одолеть…

– Совсем нельзя?

– Вроде можно, но для этого надо сотворить нечто, а что – не сказала.

Мечеслав развел руками. Он, конечно же, не сказал кнезу о том, что Лапса говорила про него самого. Ему об этом знать было незачем. Такая психотехнология называлась «самосбывающимся пророчеством».

– Ты слыхал уже, что у нас тут?

– Про укрян?

– Про них, гнид. Вишь, предали. А ведь как братья с ними были, и в бою, и в пиру…

Видно было, что кнез раздосадован на идейных предшественников генерала Власова из соседнего племени. Наверное, у них тоже были какие-то свои соображения, но кнез даже знать их не желал:

– Мы кормили их с руки! А они, псы подлые! Когда у них была драка с поморянами, мы примирили их. Когда у них случился неурожай, мы дали им зерно. Когда они хотели свободно молиться Сварожичу, мы пускали их в Радогост. Веками жили бок о бок, как братья. А ныне что? Топор в спину? Такое не прощают.

Что было ему ответить? Братья частенько предавали братьев – они занимались этим столько, сколько существовало человечество. Каин предал и убил Авеля. Братья Пандавы сражались не на жизнь, а на смерть, со своими двоюродными братьями Кауравами, причем один из Пандавов, Карна, бился на стороне Кауравов, а сводный брат Кауравов переметнулся в стан Пандавов – археологи говорят, что прообразом этой индийской Санта-Барбары стали войны союзов племен куру и панчалов в северной Индии. И, как правило, результат предательства не стоил того. Потомки Каина перманентно страдали, а в Древней Индии и вовсе началась эра Кали-юги. Братская кровь богам была неугодна. Но она продолжала литься.

– Ты, светлый кнезе, не серчай. Сотворили они Сварожичу неугодное дело. Заплатят за то всем, что есть у них. Таков закон божий. Ярость же наша пусть на поле брани себя покажет.

– Советы твои всегда мудры, брате. Потому и зову тебя, и держу у самого сердца. И так будет впредь. А ныне пойдем, отвечеряем. Нет-нет, отказ не приму.

* * *

В доме кнеза было светло и просторно. Правители во все эпохи жили в условиях, сильно отличающихся от условий жизни простого народа, противопоставление дворцов и хижин началось не вчера. Но если на Ближнем Востоке, в Египте, Месопотамии, на Крите и даже в Древней Греции расслоение между элитой и низами в эпоху бронзы цвело уже махровым цветом, то здесь, в протославянских племенах Европы, оно ощущалось достаточно слабо. Но ощущалось.

Пока многие славные люди жили в полуземлянках, у кнеза в детинце сооружен был большой добротный сруб из просмоленных бревен с внутренними стенками, то есть с несколькими просторными комнатами и даже с подобием мезонина под крышей из дранки. В каждой комнате – скорее их можно было назвать залами – стоял отдельный очаг, который использовали как для приготовления пищи, так и для обогрева, и для других хозяйственных нужд. Над очагами были проделаны дыры в крыше, над которыми установлены дымники – для защиты от дождя, снега и листьев. Под крышей также сделаны были маленькие оконца, которые на зиму затягивались бычьим пузырем.

Вдоль стен стояли деревянные полки, уставленные керамической, деревянной и бронзовой посудой, а также прочими ценными по тем временам вещами. А в главной зале, потолок которой поддерживался мощными колоннами из украшенных резьбой цельных дубовых стволов, стоял могучий стол буквой П – тот самый престол кнеза. Он был так велик, что за ним могло собраться, наверное, человек пятьдесят. Стены в зале украшал внушительный арсенал, которому мог позавидовать любой воин и реконструктор: бронзовые мечи и ножи, топоры, луки со стрелами, сулицы, обтянутые кожей щиты, а также оленьи и турьи рога и другие охотничьи трофеи. Мебель была простой, но добротной. Спали в покоях кнезевых обычно на сдвинутых лавках, застеленных шкурами, зато у самого кнеза с его женой была отдельная спальня. Жилье освещалось светильниками на животном жиру – не очень ярко, коптит и воняет, современному человеку показалось бы, что в зале темновато, но по тем временам такое освещение считалось признаком достатка.

* * *

Они прошли весь дом насквозь и вышли на подобие террасы с задней стороны, над озером. В час заката это место было прекрасно, Мечеслав не отказался бы от такого у себя на давно планируемой даче. Солнце садилось аккурат в темневшую полосу леса на дальнем берегу озера, а вода отражала алевшее в золотых, алых и пурпурных всполохах небо так, что казалось, будто ты присутствуешь на каком-то изысканном световом шоу. Только случались такие шоу тут каждый день, и постановщиком их был не человек, а сама природа. Ну, или Сварожич, кому как больше нравится.

Терраса представляла собой небольшой дворик с земляным полом, часть которого, прилегавшая к дому, была прикрыта легким навесом из камыша. Другую часть дворика занимал небольшой сад, где росли несколько яблонь – ветви их свесились вниз под грузом ароматных плодов с краснымии бочками, вызревавшими к осени. Под яблонями стояли струганные попростому стол и лавки, за которыми семейство кнезово изволило вечерять. Мечеслава пригласили сесть с ними за стол, испить сыта медового. Это была большая честь. На столе стояли яства изысканные: кулеш, полбяные лепешки, печеная репа, кисель, орехи и свежие ягоды, сейчас как раз был самый сезон.

За гостем ухаживала вторая жена кнеза, Калина. Первая, Умила, как-то быстро состарилась, дочери их выросли и были уже замужем за болярами из окружения кнеза, сама же Умила уединенно жила в своем доме на полуострове у другого берега озера, и редко ее можно было видеть на сборищах. Но кнез не вернул ее семье, положения жены своей не лишил. Обычно он плавал к ней сам, на лодке, если нужда была какая.

Умила была женщиной приятной наружности, даже состарилась она благородно. Но сам кнез не потерял силу, ему нужна была молодая свежая кровь. Нужны были дети, сыновья, которым он передаст престол. И вот появилась красавица Калина – кровь с молоком, пухленькая, но подвижная, волосы цвета соболиного меха, черные брови, широкие скулы, глаза цвета янтаря: преломляя солнечный свет, светились оттенками сухого мха. В просторных одеждах, отороченных беличьим мехом, она напоминала большую пушистую кошку. В роду у нее явно

были степняки, но здесь это никого не смущало. Только такая и могла стать кнезу достойной женой. Она родила ему трех детей – двух сыновей и дочь – и явно не собиралась на этом останавливаться.

У Мечеслава сложились с ней хорошие отношения. Как-то кнез прислал его к жене – она просила отлить для праздничных застолий бронзовые кружки с особым узором, чтобы ни у кого такого больше не было. Когда он пришел, Калина месила тесто для хлеба – жены князей в те поры сами пекли хлеб и лепешки, варили каши, кормили домочадцев, это была их обязанность. Рядом крутилась ее меньшая. На груди у Калины красовалось приметное ожерелье с крупным куском янтаря в оправе – под цвет глаз, она очень любила эти кусочки ископаемой смолы.

– А дай-ка мне твое ожерелье, – попросил Мечеслав, когда она вытерла руки льняным убрусом.

– Зачем тебе, ковач? – удивилась она.

– Показать кое-что хочу.

– Показать? – переспросила Калина неуверенно.

– Вдруг я чудо сотворить хочу? – парировал Мечеслав.

– Ну, если только чудо… – красавица нехотя сняла украшение.

Мечеслав потер подвеску рукавом своей шерстяной рубахи, будто очищая его.

– Да он чист… – начала было Калина, но осеклась.

Наэлектризованный янтарь, поднесенный к волосам ее дочки, поднял их дыбом. Обе ахнули. Это было действительно чудо! Такое чудо дети учились делать на уроках физики в первом классе, в теме про электричество, – да-да, дети во второй половине двадцать первого века изучали физику, начиная с первого класса, но это супруге кнеза знать было необязательно.

– Да ты колдун, ковач, – сказала она. – Как это у тебя выходит?

– Всё просто. Янтарь – это камень солнца, сварожий камень, – ответил Мечеслав образно, – он и не такое может.

С той поры супруга кнеза относилась к нему со всяческим почтением. А он продолжал при каждой встрече то показывать детям «чудеса», а то и давать ей полезные советы по хозяйству. Как-то по осени, увидев Калину среди берестяных туесков со свежесобранными грибами, он предложил ей вымочить белые грузди и охряные рыжики в родниковой воде целый день. На другой день он заглянул к ней опять и насыпал на дно большой деревянной корчаги немного драгоценной соли, сложил туда грибы слоями, перемежая их травками, которые были тут в ходу – диким чесноком, листьями смородины и мяты, хреном – сверху еще посыпал солью, закрыл спилом дуба и придавил тяжелым камнем. Через месяц грибочки из корчаги стали столь вкусными и хрустящими, что все, кто их испробовал, тут же начинали требовать добавку. Да, соль была ценным продуктом – но грибочки, грибочки! Их теперь делали столько, что они не сходили с кнезова стола. Мечеслав еще дал Калине продегустировать эти грибочки со сметаной, чем окончательно растопил женское сердце.

Семейство кнеза, разумеется, заметило «украшение» у него на лбу, но Бодрич знаком показал им, что так, мол, и надо, и они не задавали лишних вопросов.

– Отведай, ковач, – промолвила учтиво Калина и протянула ему расписную глиняную миску с чем-то студенистым, политым молоком.

Мечеслав поблагодарил ее и зачерпнул из миски деревянной ложкой. Это оказался овсяный кисель, залитый парным молоком, с капелькой меда. Кто бы мог подумать, что это так вкусно! Не отсюда ли пошла присказка про «молочные реки и кисельные берега»?

В процессе поглощения яств с кнезова стола, одним ухом Мечеслав прислушивался, что за ним говорилось.

– Батюшка, а отчего мы воюем с этими эрбинами, если они почти такие, как мы? – задала вдруг вопрос меньшáя дочка, любимица кнеза, Дарёнка.

Этой девчушке с длинными светлыми волосами разрешалось то, что не дозволялось более никому.

– Это когда ж они вдруг стали, как мы? – усмехнулся в усы кнез.

– А тогда, – девчушка нахохлилась и принялась объяснять. – Маму мы называем мамой, а они – матером. Папу – патером. Дочь – дотером. Сын у них – сон. Брат – браутер. Молоко – млеко. Ведь это очень похоже на то, как мы говорим! И ликом они на нас похожи, не черные и не косоглазые…

– Дарёна, Дарёна… – пыталась остановить ее мать.

– Пусть продолжает. Откуда она только набралась такого?

– Это мне дядя Мечеслав сказал.

Калина вздохнула. Кнез поднял глаза к небу.

– Так выходит, что наш и ихний языки – похожи? – не унималась Дарёнка.

– Выходит, что так, – молвил ее отец. И отшутился: – Умна ты не по годам, пора уж замуж выдавать.

– Но схожие языки ведь только у родичей. Как же оказалось, что мы с ними воюем?

Кнез откашлялся в кулак и ответил ей:

– Да, они походят на нас. Если нас поставить рядом, то и не отличишь, кто где. Лица у них не черны – но черны их души. Потому – надобно воевать, покуда можешь держать меч в руке. А не ждать, что в темных родство проснется и они вспомнят заветы Сварожьи. Мы для них – не люди, а они для нас – не́люди.

Пока кнез говорил свою речь, младший брат Дарёнки дернул ее за косу, а когда та обернулась, чтобы сказать ему что-то в ответ, состроил ей козью морду. Будущий кнез – а у славных людей, как у представителей гаплогруппы R1a, действовал, как правило, принцип минората – в детстве был непоседливым и хулиганистым мальчишкой. Когда вырос, он показал всем, чего он стоит. И младший сын его, когда вырос, тоже показал.

* * *

К вечеру Мечеслав удостоился новой милости кнеза – его пригласили… в баню! Ковач уж и не знал, что и думать. Но знал одно – высокое доверие кнезово придется сполна отслужить. С одной стороны, для Андрея Сергеевича Ковальчука это было совсем неплохо – погрузиться в самую гущу событий и добыть ценные сведения для проекта, с другой – а не возникало ли в ходе такого сближения конфликта интересов?

Баня кнезова стояла на одном из островов, поросших, как и все берега тут, соснами. Сюда кнез частенько наведывался очистить тело и разум. Они вдвоем сели в долбленку-однодревку, выточенную из ствола дуба, приближенные кнеза уселись в другие лодки. Кнез сам взял в руку весло-гребок – Мечеслав вспомнил анекдот из своего времени: «Не знаю, кто ехал, но водителем у него сам Хозяин».

Тихо было вечером на озере. Водная гладь напоминала зеркало, отражающее закатное небо. Лишь в камышах вдоль берега возились и крякали утки, и легкий туман стелился над водой. Да охочие до свежей крови комары зудели, куда без них, раздражали они во все эпохи примерно одинаково.

Баню наши предки в бронзовом веке принимали примерно так же, как и люди в веке двадцать первом. В небольшом срубе, бревна которого изнутри потемнели – ведь топили-то тогда по-черному! – была сделана кладка из гладких речных камней, предтеча классической русской печи. Внутри кладки разжигался огонь, а камни, раскаляясь, нагревали уже и всю баню, и большую глиняную корчагу с водой, куда накиданы были веточки можжевельника. Предки наши не были грязнулями.

К приходу кнеза баня была уже горячо натоплена и снабжена всем необходимым, а именно: дубовыми вениками, чистыми льняными утиральниками и рубахами, а также кувшинами со свежесваренным пивом. Зашипело пиво, плеснутое на раскаленые камни, в нутро пошел одуряющий запах хлеба, и чувства полетели кувырком. Понеслась душа в ирий!

Мечеслав уважал бани, он и в своем времени с удовольствием в них парился, но баня кнеза – это было что-то особенное! Они парились всю ночь – хотя в народе говорили, что так делать нельзя, дескать банник, банный дух, заморочит и хворь нашлет. Но что кнезу какие-то банные духи! Пиво у них шло и внутрь, и на камни. Когда жар становился нестерпимым, они выпрыгивали из сруба и с криками бросались в прохладную озерную воду. Потом опять влезали внутрь, и так много раз. И вениками друг дружку хлестали. Наверное, это было выражением высшего кнезева доверия, в святая святых допускали только избранных.

Уже под утро они, завернувшись в шкуры, сидели у дровника на пеньках и допивали последний кувшин, передавая его от одного участника банной церемонии к другому. Все преграды между этими мужчинами были сняты. Какой уникальный материал для исследования о банных традициях предков, а заодно и о методиках внутриэлитной коммуникации – политологи с руками оторвут!

Пришло время серьезных разговоров.

– Ты, небось, гадаешь, зачем я зазвал тебя в гости, а потом – в баню затащил, а? – спросил кнез у Мечеслава.

– Есть такое, – ответствовал тот.

Он-то уже догадался, что от него чего-то хотят, только присматриваются сперва, проверяют и оценивают, годишься ли ты, совладаешь ли. Но роль надо было играть до конца.

– Удивляться нечему, – продолжил кнез. – В бане проверяется, каков муж, что собой представляет. Здесь ты наг, ничего не скроешь.

– А кто в баню не ходит, тот недоброе замыслил, – добавил один из гридей кнеза.

– Дóбро Тихомир говорит, – раздался одобрительный гомон.

– Теперь ты с нами, а мы – с тобой. Теперь у нас от тебя нет тайн, – резюмировал кнез, – и у тебя от нас не должно быть.

Ставки повышались.

– Что я должен сделать? – спросил Мечеслав, сам удивленный своему спокойствию.

– Сварожич указал на тебя, как на посланца.

Мечеслав, который к тому моменту как раз приложился к кувшину, чуть не поперхнулся пивом.

– Ты – посланец.

Не надо было быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что именно его, ковача Мечеслава, кнез избрал для того, чтобы послать к варгам. Перспективы открывались заманчивые, особенно с научной точки зрения. Но и издержки процесса тоже повышались. Буквально – или грудь в крестах (ну ладно, в гривнах, за неимением здесь орденов), или голова в кустах.

– Мне ехать к вождю эрбинов? – спросил Мечеслав, предваряя объяснения.

– Я был прав, – ответил кнез. – Ты не только слушаешь, но и слышишь несказанное вслух. Из тебя будет добрый посланник.

– Что я должен буду сообщить кнезу эрбинов?

– У эрбинов не кнез, у них – кёниг. Они украли у нас это слово и переиначили его, Чернобогу на радость.

Логично, черт возьми, логично. Родственные народы, родственные языки. И всё время кому-то кажется, что у него что-то украли. Андрей мог слету назвать несколько теорий, согласно которым это название считали позаимствованным славянами именно из германских языков. «Кнез» (точнее – «кнедс», отсюда и польский «ксендз») и «кёниг»… Если убрать глас-

ные, то получалось примерно одно и то же – «кнд» и «кнг». Вот из-за таких вещей и начинались большие войны.

– Да ты слушаешь ли?

Мечеслава отвлек от раздумий вопрос кнеза. Пора было вернуться в реальность.

– Конечно, светлый кнезе. Я готов ехать к кёнигу эрбинов. Только в чем моя… ммм… задача?

Кнез, как видно, был удовлетворен сообразительностью ковача, она избавляла от долгих объяснений.

– Твоя поездка не будет тайной. И тайной не будет то, что я передам кёнигу Адалвалфу. Но не говори об этом никому здесь, об этом ведаем только мы, – кнез показал рукой на остальных участников беседы. – Понимаешь?

– Как же не понять? – ответствовал ковач. – Что я должен сказать кёнигу? Что мы будем биться до конца, и лучше б ему убраться подобру-поздорову?

– Это само собой. Но речь не о том. Повоевать мы всегда успеем. Но ныне нам потребен мир…

Мечеслав опять поперхнулся бы пивом, но оно к тому времени закончилось. Кнез, еще совсем недавно собиравшийся воевать не на жизнь, а на смерть, вдруг выразил намерение мириться. И с кем? С извечными варгами, убийцами своего народа. Звучало это опять-таки странно и совсем не в духе кнеза – по крайней мере, так казалось Мечеславу.

– Мне говорить с кёнигом Адалвалфом о мире? – уточнил он.

– Да.

– Но отчего…

– Не спрашивай. Будет много лишних слов, но не будет правды. Если эрбины отпустят всех наших людей и уйдут за Лабу, нам с ними не будет нужды воевать…

Видно было, что это решение далось кнезу нелегко, но он упорно гнул свою линию.

– Мне предложить кёнигу мир в случае, если он отпустит наших людей и уведет войско за Лабу? – еще раз переспросил Мечеслав.

Кнез прикрыл глаза в подтверждение этих слов. Теперь понятно, почему он хотел сохранить миссию посольства втайне. А также почему не отправил с посольством боляр, которым с руки было всем этим заниматься – тогда тайну сложно было бы соблюсти. Ковач же Мечеслав семьи не имел, у него не было родни в дружине и среди боляр, на него в этом вопросе можно было положиться. Но само предложение мира… Оно в сложившейся ситуации напоминало то ли трусость, то ли предательство. А может и хуже – ошибку. Однако менять свои решения кнез привычки не имел. Сам-то Мечеслав тоже был за мир обеими руками. Но есть мир и МИР! Когда враг приходит к тебе в дом, надо обороняться, а не рассуждать о пользе мыла в бане. Мир хорош только на кончике копья – так, кажется, говорила одна известная особа?

– Дóбро, светлый кнезе. Я сделаю то, что хочешь ты, хотя и не лежит у меня к тому душа…

– Думаешь, у меня лежит? – отпарировал кнез.

– Ты хочешь усыпить эрбинов разговорами о мире, а потом нанести удар?

– Нет. Мнится мне, они не хотят мира. И за любыми словами о нем будут скрывать желание победить обманом.

– Тогда ты хочешь, чтоб они думали, будто ты слаб и потому просишь мира? А на самом деле…

– И тут ты ошибаешься. Боги хотят иного…

Мечеслав всякий раз пасовал, когда речь заходила о богах. Понятна была вера предков в сверхъестественные сущности, которые всё и всех расставят по местам, виновных накажут, а правых вознаградят. Но наука тут была бессильна.

– Мне понятна причина вопросов твоих, – сказал вдруг кнез. – И потом объясню всё, ежли захочешь. Но нынче покажу тебе то, что эрбины прислали мне. Тихомир, достань! Не могу даже в руках держать мерзость эдакую.

Тихомир сходил к их вещам, сложенным в предбаннике, взял там невеликий сверток, вернулся и развернул льняную тряпицу. От увиденного даже Мечеславу стало не по себе, он невольно откинулся назад и вздрогнул. Кнез наблюдал за ним и понимающе улыбнулся одними глазами.

– Видишь, да?

Да уж как было не видеть! На ладони Тихомира лежал искусно вылитый из бронзы с инкрустациями из темного камня знак «Черное солнце».

* * *

Вообще-то свастика встречалась у разных народов на всех континентах – в Евразии, Африке и даже в доколумбовой Америке. Она была замечена в древнем Китае и в Японии, в Греции – пресловутый меандр – и в Риме, в Египте и на Кавказе. Самая ранняя свастика эпохи неолита была обнаружена в дошумерской Месопотамии, у так называемой культуры Убейд – сохранилась их знаменитая керамическая миска белого цвета с черными свастиками на дне и бортиках, на ней еще были изображены какие-то земноводные. Свастику использовали разные народы – тюркские, финно-угорские, кавказские. Нет нужды объяснять, какое значение свастика играла в жизни народов индоевропейских. Это был знак солнца, знак жизни, знак вечного движения.

Но в один прекрасный день что-то пошло не так. Да, свастику рисовали везде, по делу и без, в основном, что называется, на счастье – примерно так ее использовали наши предки. Но как из безобидного и позитивного в общем знака она превратилась в жуткий символ нацизма – вопрос до сих пор наукой окончательно не выясненный. То есть, все этапы процесса и его участники были прекрасно известны, а общая картина – не складывалась.

Вроде свастическими идеями баловались всякие оккультисты, Блаватская писала про черное солнце… Но это были, по меткому выражению Гегеля, разводы на канве категорий. Еще до Первой мировой войны это дело подхватил австрийский оккультист и автор ариософии Гвидо фон Лист – но это тоже было в рамках тогдашних интеллектуальных развлечений с душком декаданса и эзотерики. В эпоху Интербеллума эти идейки понес и развил второсортный поэт со звучной фамилией Шулер – но это тоже была в основном оккультная и конспирологическая болтовня. Однако же на лекциях этого Шулера побывал некий, тоже второсортный австрийский художник – и завертелось…

По крайней мере, так полагали ученые, исследовавшие вопрос. А то самое «Черное солнце» возникло в 1936-м, когда рейсхфюрер СС Гиммлер приказал на светло-сером мраморном полу зала обергруппенфюреров в замке Вевельсбург выложить серпентином символ, состоящий из двенадцати рун зиг, ставших символами его мрачной организации. Потому и считалось, что история появления «Черного солнца» хорошо известна – в отличие от зыбкой истории свастики вообще. Все отсылки на труды Блаватской и диски Меровингов, где якобы наблюдались такие же символы, были историками отметены. И вот пожалуйста! Перед Мечеславом лежало то самое «Черное солнце», в тринадцатом веке до нашей эры. Всё это требовало объяснений.

Он закрыл глаза, не в силах смотреть на зловещий символ. Да, тут было чему ужаснуться или впасть в ярость. В нее и впадали воины Красной армии, когда крушили логово германского нацизма в сорок пятом. Похожие чувства испытывали российские солдаты и донецкие ополченцы, когда в мае двадцать второго года выводили из мариупольских подземелий капитули-

ровавших бойцов «Азова», с ног до головы татуированных свастикой. За этими символами много чего тянулось, что хотелось бы не вспоминать, но нельзя было забыть.

Андрею Сергеевичу припомнилось кое-что из семейной истории, и он отключился – на какие-то мгновения. Мать рассказывала ему про свою бабушку, которая была родом из Новгородской области. Во время войны в их деревню пришли немцы и латыши и принесли с собой смерть: всех, кого сумели схватить, заперли в колхозном сарае и сожгли, а кто пытался убежать – застрелили. На черных петлицах формы у них была эта проклятая свастика, раскрученная против часовой стрелки. Кстати, в культуре Убейд свастика тоже была раскручена наоборот.

Бабушке мамы – в семье ее называли баба Аня – тогда было лет восемь. Как только ее мать увидела, что к их дому идут фашисты, она взяла дочь буквально за шкирку и выкинула в окно, выходившее на другую сторону двора, со словами «бежать быстро, не оборачиваться, ни в коем случае не останавливаться и не возвращаться, что бы ни происходило». Баба Аня и побежала, что было духу – сперва к покосившемуся плетню в дальнем углу двора, за сараем, потом к заснеженным кустам на опушке, потом в лес. За спиной раздавались крики и выстрелы, но она от того бежала только быстрее и каким-то чудом добежала – в одних носках по глубокому снегу! – до соседней деревни, где у них была родня. Там и рассказала всё, что видела. Это уже потом она узнала, что в ее родной деревне почти все погибли – и мать, и дедушка с бабушкой, и ее братики… Но она успела предупредить других, люди быстро собрались и ушли в лес, к партизанам. Каратели и к ним заглянули – но в деревне уже было пусто. Ребятишек потом переправили через линию фронта и раскидали по детдомам. До сорок седьмого года баба Аня прожила в Горьком, а потом ее забрал к себе дядя – из той самой деревни, которую она невольно спасла. Он воевал в партизанском отряде, потом в полковой разведке дошел до Вены и Братиславы, а после войны обосновался в Ленинграде, где воспитывал бабу Аню вместе со своими детьми (отец ее погиб на фронте). Ее сын и стал дедом Андрея Сергеевича.

Мама часто рассказывала ему эту историю, с самого детства, это была такая семейная легенда. Маленький Андрюша слушал ее с ужасом и, наверное, поэтому запомнил. Он уже тогда понимал, нутром чуял, что мир несовершенен, но что он несовершенен настолько, что стариков, женщин и детей сжигают заживо и расстреливают просто потому, что у кого-то в голове шарики за ролики закатились – этого он простить миру не мог. Наверное, потому он, даже после престижного диплома по технической специальности, пошел в историки и ввязался во все эти эксперименты…

Так Черное солнце однажды уже распростерло свои лучи над предками Андрея Сергеевича, но не сумело совсем сгубить его род. Видимо, оно попытается сделать это сейчас, ведь из трудов оккультистов и ариасофов было известно, что Черное солнце нельзя увидеть, это могут только высокодуховные личности, прибегающие к медитации и массажу зобной железы. Надо полагать, к таким относился и малоизвестный австрийский художник, и рейсхфюрер СС Гиммлер. Непосвященные же люди, которые видели Черное солнце, теряли рассудок. Андрей Сергеевич не хотел становиться сумасшедншим, ковач Мечеслав – тем более. Его ждали великие дела.

Всё это за пару мгновений пронеслось перед его мысленным взором. Но пора было возвращаться в реальность. Мечеслав открыл глаза. Похоже, его раздумья кнез сотоварищи приняли за сомнения.

– Ты не передумал ли ехать? – спросил его кнез с тревогой во взоре.

– Я поеду всюду, куда ты меня пошлешь, и сделаю всё, что ты мне скажешь, светлый кнезе, – ответил Мечеслав спокойно.

– Теперь ты понимаешь, что означает сей знак, и какие бедствия он несет нам?

Мечеслав кивнул в ответ. Андрей Сергеевич же ответил, что знает более чем кто-либо.

* * *

Выехали споро. Если вывести за скобки те риски, которые подстерегали ковача Мечеслава в его нелегкой миссии, для сотрудника Института экспериментальной истории дела складывались как нельзя лучше – он находился в эпицентре событий, предшествующих так называемой «нулевой мировой войне», и обладал уникальной возможностью не только наблюдать и фиксировать события, но и даже участвовать в них. Институтское руководство проекта «Толлензе» дало добро на его миссию. Так что всё шло как нельзя лучше.

Когда-то давно, у истоков экспериментальной истории, отцов-основателей очень заботили те малопредсказуемые последствия, которые историки, занятые в проекте, могли спровоцировать в рамках естественного исторического процесса. Речь шла не о каких-либо злоупотреблениях – об этом тогда вообще мало думали – а о том, что любая деятельность, что называется, «во времени» может ipso facto наломать таких дров, что ход истории исказится, и тогда вообще непонятно, сможет ли человечество вернуться на траекторию своего развития, а конкретный сотрудник – в свой временной пласт. Этого чрезвычайно опасались. Потому и возникла теория соразмерного вмешательства. Она заключалась в том, что деятельность историков-экспериментаторов должна сводиться к минимуму. Об этом подробно написано у Стругацких в их знаменитом романе «Трудно быть богом», повторять нет смысла. Советские фантасты были люди очень непростые, порой близко общавшиеся со спецслужбами, посвященные в иные тайны, над которыми по каким-то соображениям было позволено слегка приподнять занавес секретности.

Однако все эти теории не отвечали на вопрос о том, что делать с тем фактом, что все явления во Вселенной связаны во времени жесткой причинно-следственной связью. Отсюда и появилось понятие «эффект бабочки» – это уже Брэдбери. Персонаж его рассказа «…И грянул гром» случайно раздавил бабочку в прошлом, отчего в земной истории произошли необратимые изменения. Рассказ часто цитировали в работах по теории хаоса, однако сам термин «эффект бабочки» появился позже, он вошел в научный обиход после публикации в шестидесятых годах статьи Эдварда Лоренца «Предсказуемость: может ли взмах крыльев бабочки в Бразилии вызвать торнадо в Техасе?». Да что Брэдбери! Еще у замечательного детского поэта Корнея Чуковского был обнаружен самый ранний из эпизодов с бабочкой: «…Тут бабочка прилетала, крылышками помахала, стало море потухать – и потухло». И это не говоря про гигантскую бабочку Мотру из фильмов о Годзилле!

Поэтому долгое время историки-экспериментаторы шагу не могли ступить без согласования с Центром управления. Но последующие исследования показали, что история – вещь прочная, как ее ни разрушай, как ни пытайся вывести ее в другой пространственно-временной континуум, она всё равно непостижимым образом вернется на свою основную траекторию. Отдельные эпизоды ее флуктуации могли затронуть, магистральное направление развития – нет. Так что никакие бабочки и крылышки не могли ничего изменить. Оставалась доля процента на различные сбои, но в целом система работала исправно. Пока ее не начали шатать целенаправленно…

Короче, Андрею Сергеевичу Ковальчуку дали карт бланш на его посольскую миссию. Разумеется, не забывая при этом про принцип соразмерного вмешательства.

* * *

Цель Мечеслава и сопровождавших его четырех гридей находилась где-то за рекой Лабой, которую племена гаплогруппы R1b называли Эльбой (Альбой), что суть одно и то же: и Эльба, и Лаба на родственных индоевропейских языках означали «белая». Эта устаревшая форма сохранилась в слове «лебедь», потому и словосочетание «лебедь белая» являлось фак-

тически «маслом масляным», а «черный лебедь», которых так любят англосаксы – это был натурально оксюморон.

За три дня они далеко продвинулись на юг по еле различимой тропе. Это был старый соляной путь из гарда Глейна до Зверина, по которому везли соль с южных земель. Путники нигде не останавливались, кроме как для ночевок. По расчетам Мечеслава, они должны были уже подъезжать к границам земель глинян. Тут они посланники кнеза Бодрича впервые встретились с войной. Навстречу им по тропе шли люди – в основном женщины с детьми и старики, тащившие кули со своим нехитрым скарбом. Кто-то успел увести корову или лошадь, но таких было немного. Взрослых мужчин же почти совсем не было. Это как раз понятно – все способные держать оружие ушли навстречу варгам. Люди были изможденны и перепуганы, но стоически выносили тяготы бегства.

Мечеславу живо припомнилась история с маленькой девочкой, бежавшей по засыпанному снегом лесу в одних носках… Он скомандовал привал. Рядом нашелся родник, они натаскали оттуда в кожаных ведерках воды и напоили людей, те перевели дух и начали наперебой рассказывать о пережитом. Эрбины пришли ночью. Жители деревни – а это были древяне с того берега Лабы – не успели толком приготовиться. Мужчины похватали оружие и пошли отбивать варгов, но тех было намного больше, так что своим отчаянным броском воины древян только выиграли время для женщин и стариков, которые едва успели схватить детей и бежать. А про тех, кто не успел, с остекленелыми глазами рассказывали ужасы: их согнали в большой дом старосты и живьем сожгли.

Андрею Сергеевичу всё это опять кое-что живо напомнило. Правда, на сей раз он четко понимал, что именно. Прав был Екклесиаст – нет ничего нового под солнцем. Люди враждовали друг с другом еще со времен палки-копалки, дубины и каменного зубила. Но тут было что-то иное, а что – он, как историк, пока не мог объяснить. Явное сходство модуса операнди тут было вплоть до отождествления. Столь разные условия, столь разные эпохи… а результат один и тот же.

После краткого привала беженцы пошли своим путем, на север, послу же кнеза со спутниками надлежало двигаться на юг, в земли, на которые пала тень войны. Чем дальше продвигались они, тем чаще стали попадаться на дороге беженцы – и группами, и поодиночке. Люди были еле живыми от усталости и пережитых ужасов, и все говорили примерно одно и то же: варги пришли ночью и начали убивать всех подряд, а кого удалось поймать, того сжигали живьем. Больше ничего от несчастных измученных людей нельзя было добиться. Только один крепкий дед с мрачным обветренным лицом, уводивший сноху с внуками, поведал, что у напавших на их деревню на одежде были знаки Черного солнца, развернутого не посолонь, а в обратку. Мечеславу не надо было объяснять, что это значит. Черное солнце не просто так крутилось в обратном направлении.

Судя по всему, эрбины уже вовсю хозяйничали в землях древян к югу от Лабы. Захвачены и сожжены были гарды Глеин и Лугов, а также множество более мелких селений. Беженцы шли нескончаемым потоком, воинам приходилось расчищать себе путь.

Веками жили тут древяне – если точнее, с середины четвертого тысячелетия до нашей эры. И так бережно они относились к своему дому, что все леса, росшие с периода последнего оледенения, были ими сохранены – какие ж древяне без деревьев! Это потом, уже во втором тысячелетии нашей эры, когда эти места окончательно подмял под себя германец, на месте лесов обнажились вересковые пустоши. А сейчас вокруг шумели дубравы и буковые леса, где спокойно бродили зубры, туры и олени. Но спокойствию этому приходил конец. Они наблюдали исход племени древян со своих земель. Это была, без иронии, трагедия библейских масштабов с элементами геноцида – кстати, если верить некоторым историкам и богословам, исход Израиля из Египта тоже должен был состояться весьма скоро, в конце тринадцатого века до нашей эры, но этим занималось другое отделение Института.

Согласно первоначальным планам, посол со спутниками должны были переправиться через Лабу по броду возле небольшого пограничного гарда глинян под названием Домаличи. Сам гард, как и многие городища славян, стоял на частично насыпном высоком берегу. Корень «берг», то есть гора, в германских языках, между прочим, соответствовал старому доброму русскому «берегу» – «брг». С двух сторон у прибрежного холма были прокопаны рвы, заполненные водой, с третьей стороны гард омывала река, с четвертой – топкий ручей. Подступиться к нему было непросто, но… Когда путники приблизились к городищу, оно вовсю пылало, оттуда слышались истошные крики и лязг оружия. Это означало, что эрбины уже переправились через Лабу и намереваются идти далее в земли славных людей, неся с собой смерть.

Мечеслав усмехнулся. Неисповедимы пути истории! Спустя много веков это место станет немецким городом Дёмиц – именно сюда в сорок пятом дошла Красная армия, и именно этот город много лет был пограничным пунктом между ГДР и ФРГ. Впрочем, ту же службу выполняла и сама Белая река. Много веков разделяла она арьев и эрбинов, славян и немцев – и не смогла разделить. А еще некогда римляне тут стояли против племен варваров, которые скопом обозвали германцами, хотя там были далеко не только они. А в апреле сорок пятого именно на Эльбе состоялась историческая встреча советских войск с армиями союзников в местечке Торгау – ныне оно под названием Торжище располагалось немного выше по течению реки, и были все основания думать, что оно тоже захвачено эрбинами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.